

АНАТОЛИЙ РОМОВ
**ОРДЕР
НА УБИЙСТВО**

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Классическая библиотека
приключений и научной фантастики

Анатолий Ромов
Ордер на убийство

«Центрполиграф»

2000

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Ромов А. С.

Ордер на убийство / А. С. Ромов — «Центрполиграф»,
2000 — (Классическая библиотека приключений и научной
фантастики)

ISBN 978-5-9524-5299-2

Едва занявшись поисками пропавшего Олега Шершенева, частный сыщик Молчанов узнает об убийстве его жены и маленького сына, затем его тещи. Кто будет следующим? Похоже, эта участь уготована самому Молчанову. Только преступники теперь идут окольным путем: сыщика не убивают – его подставляют сотрудникам ФСБ как убийцу их товарища. А значит, приговорят его сами фээсбэшники. Спасение в одном – докопаться, кто подлинный убийца.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-9524-5299-2

© Ромов А. С., 2000
© Центрполиграф, 2000

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анатолий Ромов

Ордер на убийство

Глава 1

Проснувшись, Павел Молчанов посмотрел на часы. Пять утра. У него оставалось еще законных два часа для полноценного сна. Он уже натянул было на себя одеяло, но вспомнил о вчерашней ссоре с Олей.

Оля спала на соседней кровати, отвернувшись. Прикрывавшее ее одеяло наполовину сползло, открыв плечо и часть спины. В другое время он обязательно бы встал и поправил одеяло, но сейчас решил, что делать этого не стоит.

Некоторое время он лежал, разглядывая потолок. Все в его жизни вроде бы прекрасно, подумал он. Агентство процветает, от заказчиков нет отбоя, стоит апрельское утро, он, как всегда весной, чувствует прилив сил. Но радости нет. Потому что вчера, перед тем как лечь спать, Оля на него обиделась без всяких на то причин.

За что? Он лишь сказал, что им не мешало бы узаконить отношения. Причем сказал не всерьез, а вскользь, полущутя. Она же в который раз поинтересовалась: разве его не устраивает, что они просто живут вместе?

Он еле сдержался, чтобы не ответить резкостью. Промолчал. Хотя сейчас думает: может, то, что он промолчал, было даже хуже, чем ответить резкостью. И вот результат – они всю ночь проспали, отвернувшись друг от друга. И неизвестно еще, во что эта ссора выльется.

Они живут вместе почти год, но он до сих пор ее не понимает. Он иногда думает, что любить ее – все равно что ловить ветер в поле. Но может, он потому и любит ее до беспамятства, что она – этот самый ветер?

Ладно, он знает, что сейчас сделает. Приняв душ и глотнув кофе, он, ничего не говоря Оле, поедет в Тверь, где его давно ждет богатый клиент. Этот клиент спит и видит, когда он, Павел Молчанов, согласится взяться за его дело, не содержащее в себе, в сущности, никаких особых трудностей. А когда он, примерно часов в одиннадцать, вернется в Москву, дым рассеется и он сможет спокойно поговорить с Олей.

Встав, осторожно, чтобы не разбудить Олю, прошел на кухню. Включил кофеварку, прошел в ванную, принял душ. Натянул кроссовки, джинсы и свитер, налил полную чашку кофе и, держа ее в руках, направился в гостиную, где стоял компьютер.

Проверка почты по имейлу была для него обязательной утренней процедурой, поэтому сейчас, включив компьютер, он прежде всего посмотрел, нет ли новых поступлений. Наградой ему было возникшее на экране письмо на английском языке:

«Пол, привет! В субботу я прилетаю в Москву по делам, думаю пробыть здесь до июня, а может, и больше. Страшно хочу увидеть тебя, поговорить. Надеюсь, ты покажешь мне Москву?»

А также познакомишь с какой-нибудь хорошенькой девушкой? Представь, я до сих пор холост. И до сих пор у меня в ушах стоит грохот Балкан. И то минное поле, помнишь? Как только прилечу, я сразу же тебе позвоню, ты же, если захочешь меня найти, смело можешь позвонить или просто прийти в гостиницу «Золотой амулет». Жить я буду там, поскольку мои дела в Москве будут связаны с этой гостиницей. Надеюсь на скорую встречу. Обнимаю, твой *Джон Лейтнер*».

Сегодня пятница, значит, Джон завтра будет в Москве. Отлично. С Джоном Лейтнером, своим ровесником, он в Америке учился с пятого по девятый класс в одной школе и в одном потоке. Правда, тогда, будучи детьми, они мало интересовались друг другом, общаясь лишь в аудиториях и на спортивных площадках. А вот когда они встретились через пятнадцать лет на Балканах, куда оба попали в составе миротворческих сил, он – российских, Джон – американских, они стали настоящими друзьями. Их судьбы оказались похожими, Джон после школы поступил в Вест-Пойнт, окончил его и, когда они встретились у Адриатики, работал в штабе соседней американской части, куда Молчанов постоянно приезжал как переводчик. Вместе они не раз попадали в переделки. Однажды, когда их штабные джипы потеряли дорогу и попали на минное поле, они чуть не погибли. Перед отъездом в Россию он заехал в часть Джона, чтобы попрощаться, и они договорились перезваниваться и переписываться с помощью компьютера, и вообще не терять связи.

В одном из писем Джон не без иронии написал: для того чтобы их судьбы не очень расходились и в дальнейшем, он последовал его примеру, ушел из армии и занялся частным предпринимательством. Однако каким именно предпринимательством, не объяснил. Судя по этому письму, Джон занялся гостиничным бизнесом.

Выйдя из квартиры, Павел осторожно прикрыл дверь и, спустившись вниз, прошел к гаражу, в котором стоял его «вольво».

Выехав из гаража, направил машину в сторону Ленинградского шоссе.

В пути вдруг с особой остротой осознал, как мучительна одна только мысль, что он может потерять Олю.

Он был москвичом, но самым тесным образом был связан с маленьким провинциальным Рыбинском – потому что и мама и отец были из Рыбинска. Отец был намного старше мамы, он преподавал в МГУ скандинавские языки, а мама была там студенткой. Случай, а может, что-то большее, чем случай, свел их в Москве. Они поженились, родился он. Павел помнит: каждое лето, пока ему не исполнилось десять лет, они всей семьей приезжали в Рыбинск, где жили в доме его деда, отца матери, у самого водохранилища. Там он научился плавать, грести, ходить под парусом. Счастливое было время...

Потом отца пригласили преподавать скандинавские языки в США, в Гарвардский университет. До пятнадцати лет Павел, или Пол, как его там звали, ходил в американскую школу. Когда контракт отца в Гарварде закончился, отец отказался от нового контракта, и они вернулись в Москву. По-английски Павел к тому времени говорил свободно, так что мог выбрать любой языковой вуз. Он выбрал военный институт иностранных языков.

После окончания института он некоторое время работал переводчиком в Генеральном штабе, его должны были послать на работу в постоянное представительство России в ООН. Но вместо этого он попал на Высшие курсы усовершенствования офицеров воздушно-десантных войск, после которых сразу оказался в бывшей Югославии, в составе российских миротворческих сил.

После двух лет, проведенных на Балканах, его уволили без сохранения льгот и пенсии – за рукоприкладство в отношении старшего по званию. Он был капитаном, а ударил майора, дежурного по части. Ударил за дело – в сожженной деревушке осталось несколько стариков и детей, он знал, что их вот-вот накроют из минометов, и вызвался с еще тремя добровольцами вывезти всех из деревни. Но майор, дежурный по части, запретил это делать. Он пытался переспорить майора, а когда понял, что не переспорит, – покрыл матом. Майор ответил, он ударил. Так, что майор выключился.

Ему грозил трибунал. Но в конце концов его просто уволили.

Потом, уже в Москве, ему позвонил полковник Радич, служивший в штабе этой же части. Радич объяснил, что, узнав о случае с майором, пытался отстоять Молчанова, а когда это не получилось – сам подал в отставку. К тому времени Павел уже подумывал о том, чтобы открыть

частное охранно-детективное агентство. Он сказал об этом Радичу, тот его поддержал. Добавив к своим деньгам ссуду, взятую в банке, они открыли агентство, причем Радич настоял, чтобы формально руководителем агентства считался Павел Молчанов. Чуть позже Радич привел в агентство своего дальнего родственника адвоката Костомарова – и дела пошли.

А потом он встретился с Олей.

Оля Добродеева приехала в Москву из Челябинска. Сейчас ей было двадцать четыре года. В ее лице было много восточного, скорее всего татарского. Впрочем, ее с равным успехом можно было принять и за итальянку, и за испанку, и за француженку. В Москву она приехала в восемнадцать лет и сразу же вышла замуж за канадца, который увез ее в Монреаль. Выдержать супружескую неволю в Монреале она смогла лишь два года, после чего бросила мужа и сбежала назад, в Москву. Почти тут же, как ему рассказывали, у нее начался безумный роман с богатым англичанином, который закончился ничем. Потом она вышла замуж за известного московского кинорежиссера; у этого кинорежиссера Молчанов ее и увел.

С режиссером Оля развелась, но официально выходить замуж за Молчанова не хотела. На все его разговоры на эту тему она говорила с улыбкой: «Паша, ладно тебе... Хватит с меня замужеств... Поживем так, тебе что, плохо?»

Нет, ему совсем не было с ней плохо. Он был счастлив. Ко всему остальному добавлялось то, что Оля идеально подходила на роль секретарши агентства. Имея за плечами только среднюю школу, она блестяще справлялась с компьютером и безупречно работала с документами. Несмотря на ее сопротивление, он постепенно научил ее многому из того, чему сам научился в спецназе ВДВ и что для работы в охранно-детективном агентстве было необходимо: стрелять, водить любую машину, распознавать наружное наблюдение, уходить от слежки, маскироваться, знать основы шифровки. Конечно, профессионалом она не стала, но то, что она умела делать сейчас, его устраивало.

Между тем она была настоящим ветром в поле. Неуловимым, непостоянным, а потому непонятным. И мириться с этим ему было ох как трудно.

В Москву он, как и рассчитывал, вернулся к одиннадцати утра. Встреча с клиентом в Твери прошла прекрасно, они обговорили все, что было нужно, подписали весьма выгодный для агентства договор и расстались, довольные друг другом.

Выйдя из машины, Павел подошел к двери старинного арбатского особняка, на которой поблескивала медная табличка «Агентство «Охранник». Набрал шифр на панели у входа в здание, затем, миновав тамбур, шифр еще на одной, внутренней панели. После того как агентство обосновалось здесь, он прежде всего довел до совершенства охранную систему. Сейчас Оля, Радич и Костомаров с помощью скрытых в стенах телеобъективов и микрофонов могут слышать каждый издаваемый им шорох у двери и видеть все его манипуляции.

Двинувшись по коридору, хотел пройти мимо кабинетов Радича и Костомарова незаметно, но не получилось – дверь в кабинет Радича была полуоткрыта, и, как только он миновал створку, его позвали:

– Паша, мы тебя видим...

Пришлось зайти в кабинет. Радич и Костомаров сидели за столом. Объемистый Костомаров, в рубашке с расстегнутой верхней пуговицей и приспущенным галстуком, держал в руке кружку с кофе. Худощавый, тщедушный на вид Радич чистил трубку.

– Кофе? – Радич посмотрел на кофеварку.

– Спасибо, нет.

– Он должен показаться Оле, – сняв пенсне, пояснил Костомаров.

– Да, я забыл. – Радич поднял трубку, разглядывая ее на свет. – Это – святое.

– Ладно, Костя. – Павел направил указательный палец на Костомарова, изобразив выстрел из пистолета. – Я хочу показаться Оле – и что?

Костомаров поднял обе руки вверх:

– Сдаюсь... Думаешь, я сам не спешу утром показаться Полине?

– То-то... Клиенты были?

– Есть, – сказал Радич. – Очаровательная женщина. И не менее очаровательный мальчик.

– По какому делу, не знаете?

– Нет. Знаю только, они около часа ждут тебя в приемной.

– А вы говорите – кофе.

– Это я из вежливости.

– Пойду. – Молчанов встал.

Выйдя из кабинета Радича, он сделал привычные пять шагов и вошел в приемную.

Оля, работавшая на компьютере, была на своем обычном месте. Рядом, на диване, сидела незнакомая ему молодая женщина, русоволосая, худощавая, с приятным мягким лицом. На другом конце дивана сидел похожий на нее мальчик лет семи.

При его появлении женщина положила глянцевого журнала на столик перед диваном. Про нее нельзя было сказать, что она ослепительно красива. Но, безусловно, она была очень хороша собой.

Откинув сбившуюся на ухо светлую прядку волос, женщина посмотрела на него. Взгляд был настороженным, строгим, без улыбки. Мальчик, до этого глазевший в окно, тоже быстро глянул на него, но, судя по всему, не считал его достойным внимания. Он снова отвернулся к окну, за которым, видимо, происходило что-то очень для него интересное.

Оля кивнула:

– Доброе утро, Павел Александрович.

Если она обращается к нему по имени-отчеству, это плохо. Это ссора, и ссора серьезная. Но может, она обращается к нему так из-за посетительницы?

– Доброе утро.

Он хотел заглянуть Оле в глаза, но она, отведя взгляд, продолжила:

– Павел Александрович, это Юлия Шершнева, а это Витя, ее сын. – Отодвинув в сторону какие-то бумаги, добавила: – Я поговорила с Юлией по телефону и решила, что вам стоит самому переговорить с ней. Юлия ждет вас уже около часа.

«Ждет около часа». Вполне возможно, это намек на то, что он уехал рано и до одиннадцати болтался неизвестно где.

– Хорошо, я переговорю.

– Ма, можно поиграть на компьютере? – спросил мальчик.

– Витя... – Женщина посмотрела на него с упреком. – Помолчи.

– Но ведь тетя сказала, когда дядя придет, я поиграю... – Встретив взгляд матери, мальчик вздохнул. – Хорошо, мам, хорошо. Я молчу.

– Конечно, ты можешь пойти поиграть, – сказала Оля. – Пока мама будет разговаривать, я отведу тебя к нашим компьютерщикам. Наиграешься вволю.

– Здорово... – Торжествуя посмотрев на мать, мальчик встал.

Открыв дверь кабинета, Молчанов кивнул:

– Прошу, Юлия, проходите.

Пропустив гостью, показал на кресло:

– Садитесь. – Сев за стол, улыбнулся. – Да, слушаю вас.

Юлия села в кресло легко. Сидела она тоже легко, непринужденно. На коленях у нее лежала сумочка из мягкой замши, которую она придерживала рукой; сумочка была простой, но элегантной и наверняка очень дорогой. Да и вообще весь облик Юлии говорил о том, что она женщина со средствами. На ней было серое платье в обтяжку, с узким вязанным шнурком такого же цвета на поясе, черные туфли от Донны Каран, на запястье поблескивал золотой

браслет с бриллиантами. Если не считать обручального кольца на правой руке, больше никаких украшений на ней не было.

Некоторое время Юлия смотрела на него молча. Наконец, вздохнув, чуть приподняла сумочку.

– Простите... Павел Александрович?

– Павел Александрович. Но можете называть меня просто Павел.

– Уж лучше по имени-отчеству. Вы курите?

– Нет. – Он придвинул пепельницу и взял настольную зажигалку. – Но вы можете курить, мне дым не мешает. Курите, курите.

– Спасибо. – Юлия достала из сумочки пачку «Кул». Придерживая сигарету двумя пальцами, прикурила от его зажигалки – при этом ее пальцы чуть дрожали.

Затянувшись, откинулась в кресле. Сделав несколько затяжек и стряхнув пепел, улыбнулась – коротко и нервно.

– Ради бога, извините.

– Ничего страшного.

– Просто я волнуюсь. Немного.

– Понимаю. – Он помолчал. – Что, есть основания?

– Д-да... – Подумав, сделала еще одну затяжку. Положила сигарету в пепельницу. – У меня пропал муж.

– Пропал муж?

– Да. – Она уставилась в какую-то точку в пространстве. – Его нет. Вообще нет нигде. В такой позе она сидела довольно долго. Помедлив, он спросил осторожно:

– Давно?

По-прежнему не глядя на него, пожала плечами:

– Три дня назад.

– Если точнее?

– Точнее... Сегодня у нас пятница?

– Пятница.

– Он исчез во вторник. Утром.

– При каких обстоятельствах?

Повернувшись к нему, чуть сморщила нос:

– Что?

– Я спрашиваю: при каких обстоятельствах пропал ваш муж?

– А-а... Да ни при каких. Ушел утром, сказал, идет на работу. И не вернулся.

– На работе он был?

– Нет, на работе в тот день он так и не появился. И домой не пришел. Понимаете... – Помолчала. – Понимаете, с тех пор о нем ни слуху ни духу.

«Ни слуху ни духу, – подумал он. – Вполне возможно, муж ушел к другой. Надо коснуться этой темы, но осторожно».

– Сколько лет вашему мужу?

– Тридцать два.

– А... давно вы замужем?

– Семь лет.

– И еще...

– Еще?

– Да. – Вопросительно посмотрел на нее. – Может, здесь замешана другая женщина?

Ему показалось, по ее лицу пробежала легкая тень.

– Нет. Никаких других женщин у моего мужа нет.

– Вы уверены?

– Уверена. Я знаю своего мужа.

– У вас с мужем в последнее время были ссоры?

– Никаких ссор.

– Размолвки?

– Легкие размолвки были, но это были такие размолвки, которые... не влияют на отношения.

– Понятно, – сказал он казенным голосом.

Кажется, тон его Юлии не понравился. Нахмурившись, она сказала:

– Мы любим друг друга.

Он вдруг поймал себя на мысли, что говорит с ней только из-за Оли. Когда он вошел в приемную, ему показалось, Оля хотела бы, чтобы он помог этой женщине. Именно поэтому он сейчас и старается.

– Где работает ваш муж?

– В банке «Яуза». Он старший бухгалтер.

– Вы обращались в милицию?

– Да... – Она выдавила это с некоторым оттенком брезгливости. – В общем, обращалась.

– И что?

Посмотрела в упор:

– Хотите честно?

– Конечно.

– Если честно – я поняла: они заниматься моим мужем не будут.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Наконец он спросил:

– Почему вы так решили?

– Да по всему. Потому что я это вижу. В милиции в конце концов приняли мое заявление. Но заниматься моим мужем, искать его они не будут. Это... – Осторожно тронула лежащий в пепельнице окуроч. Подняла глаза. – Это точно. И давайте не будем больше на эту тему. Хорошо?

– Ну... – Он пожал плечами. – Если не хотите, не будем.

– Не хочу. Мне вас рекомендовали, я к вам пришла. Павел Александрович, я вам заплачу сколько вы попросите. Деньги у меня есть. Если вы возьметесь за расследование пропажи моего мужа, Олега Шершнева, пятидесяти тысяч долларов будет достаточно?

Он сделал вид, что раздумывает. Агентством он руководил уже больше двух лет, но пока еще никто не предлагал ему такой суммы.

Посмотрел на Юлию в упор – чтобы понять, не шутит ли она.

В ее глазах была решимость. Кроме того, было видно, что разговор о деньгах ей неприятен.

Сцепив руки, сказал:

– Я еще не знаю обстоятельств дела.

– Если хотите, могу выписать вам чек моего банка, у меня «Чейз Манхэттен». Хотите – заплачу наличными. Правда, это займет время.

Судя по всему, она хотела как можно скорее покончить с темой денег.

– Но... Юлия, я ведь еще не взялся за ваше дело.

– Это не важно. Учтите, Павел Александрович, я не уйду, пока вы не возьметесь.

Он постарался придать взгляду строгость:

– Даже так?

– Даже так. И... – Достав из сумочки толстый конверт, небрежно положила его на край стола. – Вот. Здесь двадцать тысяч долларов. Будем считать, это задаток. Остальное я заплачу, когда будут хоть какие-то результаты. – Перехватив его взгляд, сказала: – Пересчитайте.

– Повторяю, я еще не сказал, берусь ли я за это дело.

– Так скажите.

Порой она говорила излишне резко. И все же что-то в этой Юлии ему нравилось. К тому же она ничего от него не скрывала, и было видно – она всерьез озабочена исчезновением мужа.

– Хорошо. Я берусь за ваше дело.

Достав вторую сигарету, она прикурила от своей зажигалки. Затянувшись, сказала:

– Спасибо.

– Пожалуйста. Спрячьте пока эти деньги.

– Зачем?

– Затем, что, после того как вы с секретарем агентства Олей заполните договор, вы сдадите деньги под расписку нашему бухгалтеру Лидии Марковне. Мы заключим с вами договор, и потом... Потом я возьмусь за дело.

Сделав несколько нервных затяжек, она посмотрела на него:

– С чего вы начнете?

– С чего... Ну, у вас есть с собой фотография мужа?

– Фотография мужа? – Помолчала. – Есть фотография, где мы вместе.

– Покажите.

Порывшись в сумочке, протянула фото. На карточке на скамейке сидели Юлия с сыном на коленях и обнимающий ее мужчина. За ними зеленели кусты. Мужчина ничего интересного собой не представлял, у него было самое заурядное лицо, русая бородка, светлые глаза, которые он зачем-то прищурил. Мальчику на вид было не больше четырех лет, значит, снимок сделан давно.

Изучив фото, спросил:

– Когда сделан снимок?

– Три года назад. Подходит?

– Не очень. – Протянув снимок, подождал, пока она уберет его в сумочку. – А современные фотографии мужа у вас есть?

– Ну... Дома и на даче, конечно, есть.

– Хотелось бы их посмотреть.

– Пожалуйста.

– И одну или две фотографии взять – чтобы знать, как выглядит ваш муж. На этом снимке изображение слишком мелкое. Хотелось бы также поговорить, скажем так – без ограничения времени. Кроме того, я хотел бы увидеть некоторые вещи вашего мужа, а также осмотреть ваш дом и дачу. Дача у вас далеко?

– В Серебряном Бору.

– А дом?

– На Котельнической набережной. Но... это тоже нужно? Осматривать дом и дачу?

– Это необходимо. Без этого просто не получится расследования.

– Почему?

– Потому что вещи иногда могут сказать больше, чем люди. – Она промолчала, и он, подождав, спросил: – Когда я могу к вам подъехать?

– Когда хотите. Давайте завтра. Мы с Витей будем на даче.

– Давайте.

– Хотя... Завтра суббота. Вы сможете?

– Смогу, что делать. Вы же не хотите затягивать?

– Нет.

– Значит, завтра я подъеду к вам на дачу. Какое время вам удобно?

– Любое.

– Можно утром?

– Пожалуйста. Мы с Витей встаем рано.

- Скажем, часов в одиннадцать?
- Очень хорошо.
- Значит, завтра в одиннадцать я у вас.

Сделав пометку в перекидном календаре и записав со слов Юлии оба адреса, нажал кнопку:

– Оля, пожалуйста, помоги Юлии заполнить договор. И позвони Лидии Марковне, пусть примет аванс.

- Хорошо, – раздалось в селекторе.

Юлия вышла, он же некоторое время сидел, рассматривая вещи на столе. Вся оргтехника, которую он сейчас видел, – телефонные аппараты, подставки для ручек, пепельница, настольная зажигалка, перекидной календарь, прочее – все напоминало ему об Оле. Впервые появившись в агентстве, Оля сразу же заставила его изменить всю обстановку в кабинете, переставить стол, по-другому расположить кресла. Все, что стояло на столе, тоже было обновлено. На его взгляд, наиболее выдающейся вещью, купленной Олей в одном из антикварных магазинов, была старинная подставка для ручек и карандашей, выполненная в виде зайца из литого серебра. Заяц с плетеной корзинкой за спиной, оглядываясь на кого-то, шел на задних лапах, держа в передних посох и котомку. На сгибах и особенно там, где было много мелких деталей, серебро от времени потемнело, так что морда зайца, а также корзинка и котомка были совсем темными.

Предполагалось, что карандаши и ручки надо вставлять в корзинку, но время показало, что корзинка – подставка для ручек никудышная. Емкость была неглубокой, ручки из нее постоянно вываливались, так что в конце концов ему пришлось убрать ручки и заполнить корзинку скрепками. Тем не менее зайца он успел полюбить.

Подумал: надо уметь терпеть чужие недостатки так же, как он терпит недостатки этого зайца. Об этом ему всегда говорил отец. Мама же, услышав это, добавляла, что нетерпимость – его главный недостаток. И поясняла, что он, Павлуша, как она называет его до сих пор, был нетерпимым с самого своего рождения, с момента, когда тридцать четыре года назад появился на свет в Москве.

Взяв увесистого серебряного зайца, Павел повертел его в руке. Идти с повинной к Оле и признавать свою вину страшно не хотелось, но он знал, мириться придется все равно. Жить без нее он не сможет.

Подумав, что бы такое сказать в свое оправдание, поставил зайца на прежнее место. Нажал кнопку:

- Оля, что делаешь?
- Вот, составляю договор.
- Юлия рядом?
- Нет, она сдает деньги Лидии Марковне.
- Мальчик?
- У компьютерщиков.
- Слушай, когда закончишь – сходим в «Арбатское»? Уже время.

Ему казалось, она молчит целую вечность. Наконец, услышав в селекторе негромкое «Хорошо», он осознал, что чувствует себя счастливым.

В кафе «Арбатское» они сели за свой обычный столик, в углу у окна. Заказали, что заказывали обычно – курицу с рисом, кофе и яблочный пай.

Пока официантка брала заказ, Павел отметил, как несколько мужчин обернулись, разглядывая Олю.

Вот этого он совершенно не понимал – почему мужчины всегда ее разглядывают. Обычная брюнетка сред него роста со светло-кариими глазами. На первый взгляд вообще ничего осо-

бенного. Да, у нее хорошая фигура, стройные ноги, но он знал: мужчины обращают на нее внимание, даже не видя ее ног и фигуры. Они смотрят на Олю, где бы он с ней ни появился и в каком бы дальнем углу она ни сидела.

Первое время это ему льстило, потом начало выводить из себя. Сейчас он с этим просто смирился.

Официантка ушла. Оля, склонив голову и умильно улыбнувшись, что было явным издевательством, спросила:

– Как поездка в Тверь?

Он смотрел на нее довольно долго, надеясь, что умильная улыбка уйдет. Но улыбка не уходила.

– Нормально. Откуда ты знаешь, что я ездил в Тверь?

– Позвонила в Тверь. Не так трудно было догадаться, к кому ты ездил. – Улыбки уже не было, были серьезные глаза. – Нельзя?

– Оля... – Накрыл ладонью ее ладонь. – Слушай... Я понимаю, что виноват.

– Хорошо хоть, понимаешь.

– Понимаю. Давай не будем?

Несколько секунд она смотрела в упор. Наконец, осторожно высвободив руку, отвела глаза:

– Учти, если в следующий раз я увижу, что ты ушел из дома, – меня тоже в доме не будет.

Не найдешь, след простынет.

Отделяя каждое слово паузами, спросил шепотом:

– Оля, о чем ты говоришь? Я ушел из дома? С чего ты взяла?

– С того, что я проснулась, а тебя нет.

– Ну и что?

– То, что нет ни записки, ни чего-то еще. Что я должна думать? Ты свалил. С концами.

– Но... Оля...

– Что – Оля?..

Постаравшись выдержать ее взгляд, сказал:

– Ладно, хорошо, я виноват. Но сейчас – мир?

Она отодвинулась, чтобы дать возможность официантке поставить поднос. Дождавшись, пока официантка уйдет, взялась за курицу.

Он долго ждал, пока она, глотнув кофе, не сказала, глядя в окно:

– Ладно, так уж и быть, мир. Что с тобой сделаешь.

– Слава богу. – Некоторое время он делал вид, будто занят исключительно кофе. – Знаешь, завтра в Москву прилетает мой американский друг, Джон Лейтнер. По-моему, я тебе о нем рассказывал?

– Рассказывал. И что этот твой друг?

– Он очень хочет увидеться со мной. Может, встретимся с ним завтра вечером? Как ты?

– Ну... – Оля пожала плечами. – Хорошо, давай встретимся.

– Он будет жить в «Золотом амулете». Что, если мы закажем там столик на вечер? А ты захватишь какую-нибудь свою подругу – за компанию?

– Не хватало мне еще искать подругу для твоего Джона.

– Оля, Джон – мой лучший друг.

– А что скажет потом его жена?

– Он холост. И будет чувствовать себя ужасно неудобно – один, в незнакомой ему Москве.

Помолчав, Оля покачала головой:

– Паша, большего краснбая, чем ты, я еще не видела.

– А что, разве это плохо?

– Не знаю. Хорошо, я подумаю – насчет подруги.

Глава 2

На следующий день, в десять утра, он выехал в Серебряный Бор. Настроение было отличным – Оля, проводив его до машины, поцеловала на прощание и сказала, чтобы он скорее возвращался. Направив «вольво» по бульварам к Тверской, он вскоре свернул налево, к Маяковке. Стояло солнечное утро, народу было много, начиналась суббота, люди шли за покупками, некоторые просто гуляли.

За Белорусским вокзалом людей стало меньше, когда же он выехал на Хорошевское шоссе, оно вообще показалось ему пустынным. Машин на проезжей части не было, лишь за улицей Народного Ополчения он увидел ползущий вдоль тротуара комбайн, убиравший слежавшиеся сугробы. Он сам не заметил, как въехал в Серебряный Бор.

Здесь, в паутине дачных переулков, за которыми с одной стороны был виден лес, а с другой – река, ему поневоле пришлось притормозить.

Это место он любил, хотя в последнее время бывал здесь редко. Но раньше, когда он учился в институте, они часто приезжали сюда летом шумной компанией – искупаться, позагорать, поиграть в пляжный волейбол, а то и просто побродить. В свое время он исходил Серебряный Бор вдоль и поперек.

Дачи в старом районе, мимо которых он сейчас проезжал, стояли заколоченными или просто запертыми. Лишь два или три раза он заметил стелющийся среди голых кустов сизый дым, который был здесь весной обычным явлением, – хозяева жгли листья и ветки, скопившиеся за зиму.

Проехав Татаровский пляж, повернул к участку, на котором стояли элитные дачи. Эти места резко отличались от старого района. Все здесь выглядело по-другому: газоны чистые, кусты обрезаны и ухожены, проезжая часть и пешеходные дорожки выложены плитняком, вокруг ни соринки. Самих дач видно не было, они скрывались за бетонными или кирпичными изгородями. За этими оградами при звуке его машины громко и долго лаяли собаки.

Проехав немного, он увидел стоящего у поворота милиционера. Судя по синему у обочины мотоциклу с коляской, это был постовой, объезжающий участки.

Когда он остановил машину, постовой не спеша подошел. Сказал, пригнувшись:

– Дежурный по поселку сержант Малин.

– Очень приятно.

Похоже, сержант никак не мог решить, стоит ли попросить его предъявить права. Наконец сказал:

– Простите, вы местный?

– Нет, по приглашению. Где здесь Четвертый проезд?

Успев рассмотреть все в его салоне, сержант перевел взгляд на него. Поколебавшись, сказал:

– Какой номер вам нужен?

– Мне нужна дача номер восемнадцать.

Сержант продолжал раздумывать. Все же решив, видимо, что человека в идеально сшитом костюме, сидящего в новеньком «вольво», лучше не трогать, выпрямился. Показал рукой:

– А вот... Видите правый поворот? Езжайте по нему, потом повернете налево. Потом опять направо и снова налево. Проедете вдоль реки метров пятьсот, увидите длинную узорную ограду из разноцветного кирпича. Это и есть дача восемнадцать.

– Далеко она?

– Нет.

– Спасибо... – Дав газ, он увидел в зеркале, как сержант смотрит ему вслед.

Вопреки словам сержанта, дача оказалась совсем не так близко. После второго поворота ему пришлось километра два проехать вдоль сменяющих друг друга высоких, на вид совершенно непреодолимых оград. Затем, еще раз повернув направо, он по выложенной плитняком мостовой въехал в лес. Здесь его «вольво», еле слышно урча мощным мотором, около трехсот метров шел на малой скорости, передвигался в сплошном тоннеле нависающих со всех сторон веток.

Выехав наконец из тоннеля, он увидел еле заметный указатель: «Дача № 18». Стрелка была направлена в глухие заросли, так что ориентиром для него могла служить лишь выложенная плитняком дорога. Снова повернув по ней налево, он в конце концов остановился у узорной кирпичной изгороди, сложенной вперемешку из силикатного и красного кирпича. Комбинация кирпичей изображала, как он понял, древнерусский орнамент; на углу изгороди была прикреплена белая эмалированная табличка с цифрой 18.

Выключив мотор, осмотрелся.

Ему хватило нескольких секунд, чтобы оценить место. Возможно, это было одно из красивейших мест Серебряного Бора. Дача стояла на пологой, спускающейся к реке опушке. С трех сторон участок был окружен лесом, четвертой же его стороной был речной берег. На краю опушки, там, где начинался лес, рос огромный дуб, за ним он разглядел несколько темно-зеленых елей, дальше темнели голые в это время года ветви лиственных деревьев. В этих ветвях сейчас отчаянно кричали вспугнутые мотором птицы.

Включив в машине охранную систему, вышел. Приблизился к резко нарушающим симметрию ограды цельнометаллическим воротам.

В одну из створок ворот была врезана небольшая дверца; на ней черной краской под трафарет было выведено: «Осторожно, злая собака».

Постучал несколько раз. Прислушался. Ответом была тишина.

«Интересно, – подумал он, – почему злая собака не лает? Возможно, на зиму ее забирают в город».

Поискав глазами, увидел на кирпичном торце у калитки кнопку звонка. Нажал один раз, второй, третий. В моменты, когда он нажимал кнопку, где-то в глубине участка слабо звучала музыкальная мелодия, которая тут же стихала.

Выждав, снова нажал кнопку, теперь уже не отпуская. Ему снова отозвалась музыкальная мелодия – но это было все, что он услышал на участке.

Взявшись за ручку дверцы, понял: она открыта. Машинально тронув пистолет под пиджаком, вошел.

Участок был большим. Между зданием у реки и воротами, у которых он стоял, росли аккуратно обрезанные низкие квадратные кусты, перед домом в середине участка была разбита клумба, из которой и сейчас еще торчали сухие стебли. Из-за дома выглядывала часть стоек с детскими качелями и что-то вроде песочницы. Оглянувшись, он заметил: справа, в углу, виднеется сбитая из досок большая собачья будка. Собаки возле нее не было. У реки виднелся причал, возле него стоял на козлах накрытый брезентом катер.

К даче вел выложенный плитняком проезд, заканчивающийся, как он понял, у размещенного под зданием гаража.

Дача, длинное двухэтажное строение метрах в двадцати от него, была добротной, без особых изысков. Первый этаж был облицован мореным деревом, второй был каменным. Все здание окружала веранда с навесом.

Постояв, он крикнул:

– Эй, на даче! Есть кто-нибудь?

Никто не отозвался. Подойдя к веранде и поднявшись по деревянным ступеням, остановился у ведущей в дом застекленной двери. Тронул одну из створок – она была открыта.

Подождав, осторожно постучал в дверное стекло. Так и не услышав отклика, вошел в небольшую прихожую.

На лежащем в углу бамбуковом коврикe была аккуратно расставлена обувь. На стене перед дверью висели часы и выполненный маслом натюрморт. В гостиной, соединенной с прихожей дверным проемом, стояла на полу видная отсюда большая старинная бронзовая ваза.

Посмотрел на натюрморт. Груша, яблоко и кисть винограда, лежащие на смятой белой скатерти, были изображены совсем неплохо. Подождав, сказал громко:

– Эй, хозяйева! Есть кто-нибудь?

Не дождавшись ответа, вошел в гостиную. Здесь, помимо бронзовой вазы, стояли два низких журнальных столика, два дивана, несколько кресел и рояль «Стейнвей». На стене висела картина Айвазовского. Подойдя, убедился: это подлинник.

Подумал: «Скорее всего, Юлия вышла с сыном погулять и задержалась. И все же не мешает осмотреть дом».

Обход он решил начать со второго этажа, куда прямо из гостиной вела деревянная винтовая лестница. Поднявшись, осмотрел расположенные здесь две спальни, бильярдную и библиотеку, затем, спустившись, изучил гостиную, кухню, столовую и кабинет. Поколебавшись, спустился в подвал, где были устроены домашняя прачечная, баня-сауна и гараж, в котором стоял новый «форд-таурус». Здесь тоже никого не было. В «форде» на заднем сиденье лежали плюшевый тигренок и плед. На всякий случай потрогал радиатор – тот был холодным.

Снова вышел на веранду. Оглядев участок, заметил: на земле, между конурой и забором, лежит что-то темное, похожее на лохмотья. Раньше, когда он стоял у ворот, эти лохмотья не были видны.

Вгляделся и понял: то, что он принял за лохмотья, очень напоминает спящую собаку.

Подойдя, увидел лежащего на земле большого пса. Это была крупная немецкая овчарка, черная, с белым пятном на лбу. Собака не спала, она была мертва. Пес лежал вытянувшись, тело уже успело окостенеть.

Постояв, заметил у открытой пасти остатки пены. Рядом лежали мелкие кусочки темно-красного цвета. Присев, увидел – это остатки сырой печенки. Возможно, с собакой просто что-то случилось, но скорее всего – ее отравили. В любом случае дом и участок нужно осматривать заново.

* * *

Начал он со второго этажа и довольно скоро обнаружил, что при первом осмотре, проведенном наспех, одну комнату пропустил. Вход в эту комнату, скрытый выступом стены, он просто не заметил.

Судя по нарисованным на двери играющим в мяч медвежатам, это была детская.

Открыв дверь, он сразу же увидел лежащих на полу Юлию и ее сына.

Мальчик, одетый в джинсы и тенниску, лежал на боку, прижав к груди игрушечную машинку. Юлия в белом спортивном костюме – на спине. Ее рот был широко открыт. По виду оба были мертвы.

Присев, проверил пульс сначала у мальчика, потом у Юлии. Да, оба были мертвы. Потрогал тела – они не были теплыми, но не были и холодными. Юлия и мальчик умерли недавно, часа два-три назад.

Он долго вглядывался в лица, на которых были все признаки удушья. В том, что причиной смерти стало удушье, у него не было никаких сомнений, но удушье от чего?

Втянул ноздрями воздух – нет, угарным газом не пахнет. Метаном тоже. Следов насильственной смерти на телах нет, нет таких следов и в комнате. Вещи в детской, заваленной игрушками, хоть и лежат в беспорядке, но в самом обычном. Положение тел спокойное.

Впрочем, отсутствие следов борьбы еще ни о чем не говорит. Он знает несколько способов, как можно задушить человека, не оставив на его теле следов борьбы. Один из таких способов, наиболее распространенный, – с помощью подушки.

Выйдя, внимательно осмотрел обе спальни. Одна из них наверняка была спальней мальчика, а может, мальчика и кого-то из взрослых – здесь было две кровати. На стенах были развешаны детские рисунки, в одном из углов стояли аккуратно расставленные игрушки. Во второй спальне, помимо кроватей, находился лишь телевизор. Здесь, без сомнения, спали родители.

Его интересовали подушки – если его расчет верен и орудием убийства были подушки, на них должны остаться следы выделений. Но его усилия найти на какой-то из подушек следы слюны или рвоты, хотя бы микроскопические, оказались тщетными. Все шесть наволочек были идеально чистыми и похрустывали от крахмала. Белье в детской спальне тоже было девственно-чистым. Но дальше начались чудеса.

Когда он проверил простыни и пододеяльники на кроватях в спальне для взрослых, то пришел к выводу: два человека провели здесь как минимум ночь. Все логично, в отсутствие отца мальчик мог бояться спать один в детской спальне и попросил маму разрешить спать с ней. Но с подушками, как он убедился, получалась несостыковка. В первой спальне, детской, на каждой кровати подушек было по две, а во второй на кроватях лежало по одной подушке. Если в самом деле кто-то унес из этой спальни две подушки, можно считать, Юлия и мальчик были задушены именно с их помощью.

Недостающие подушки он обнаружил в подвале – они лежали на полу за дверью, рядом с прачечной. Подняв их, увидел: они без наволочек. Ему показалось, он близок к цели. Ведь если он найдет наволочки, испачканные мокротой, медицинская экспертиза легко установит, кому именно принадлежат выделения.

В поисках наволочек он не поленился перерыть все лежащее в большом коробе в прачечной грязное белье. Белья было много, поиски отняли у него около часа. Убедившись, что использованных наволочек там нет, он на всякий случай заглянул в стиральную машину и в сушилку, но они были пусты.

Поднявшись в гостиную, сел в кресло. Минут пять бесцельно разглядывал стоящую на полу бронзовую вазу. Потом начал ругать себя. Кажется, он наконец может соединить вместе то, что видел и слышал в последние два дня.

Он принял сообщение Юлии о пропаже мужа за пустяк, но оно было очень важным – для кого-то. Для тех, кто узнал о том, что Юлия вчера пришла в агентство. Были это, без сомнения, профессионалы.

Выяснять, зачем она пришла в агентство, им было не нужно, они и так прекрасно понимали: Юлия хотела найти исчезнувшего мужа. Профессионалов это почему-то не устраивало. Не устраивало настолько, что они решили убрать Юлию, а заодно и сына – как ненужного свидетеля.

Сначала они отравили пса – чтобы не мешал. Потом накрыли подушками, взятыми в спальне, хозяйку дачи и ее сына. Все это заняло у них не больше десяти минут. Убедившись, что жертвы мертвы, убийцы осторожно перенесли трупы в детскую – после чего тщательно скрыли все следы. И ушли.

В пользу этого построения у него нет вещественных доказательств и улик, но именно поэтому он может считать свою версию очень близкой к истине.

Снова начал ругать себя. Вспомнил, в каком положении застал тело мальчика. Сволочи. К виду смерти он привык, на Балканах видел разорванные тела, вывороченные внутренности живых людей, места массовых казней. Ко всему этому он притерпелся. Одного вытерпеть не мог и не сможет никогда – когда убивают детей.

Вдруг ощутил, как устал. Подумал: плевать, его совершенно не интересует, зачем все это нужно было профессионалам. Разбираться с этим он теперь не будет все равно.

Встал, подошел к телефону. Усмехнулся. Да, все правильно, лично для него, Павла Молчанова, дело закрыто. Со смертью Юлии Шершневой дело закончилось, ему не для кого искать ее пропавшего мужа. Остается лишь узнать, есть ли у Юлии родственники, и вернуть им двадцать тысяч долларов. Все.

Взял трубку – и тут же положил ее на место. Все правильно, заниматься этим делом он не будет. И все же, прежде чем вызывать милицию, он попытается найти какую-нибудь записную или адресную книжку. Хочет он того или не хочет, он уже вляпался в историю. Неизвестно, как в связи со случившимся поведут себя милиция и прокуратура. Лицензия владельца охранно-детективного агентства ему дорога, за ней стоит не только он, но и другие. Если возникнут осложнения, он с помощью людей, так или иначе связанных с Шершневыми, сможет получить нужную ему информацию.

В кабинете, куда он вошел, на столе не было ни адресной книжки, ни перекидного календаря. Просмотрел ящики стола – там тоже не было ничего похожего. Не было перекидных календарей и адресных книжек и на книжных полках. Зато, проверяя их, он наткнулся на семейный альбом.

Альбом был заполнен фотографиями Юлии, Олега и Вити Шершневых, а также пожилой женщины, которая была снята в основном с Витей, – возможно, Витиной бабушки. Закрывая альбом, он спрятал несколько фотографий в карман.

Выйдя из кабинета, решил проверить все места, где могли бы лежать записные книжки или перекидные календари. Он искал всерьез, не поленился даже обшарить карманы висящих в шкафах пиджаков, пальто и жакетов – но не нашел никаких записных книжек. Правда, во внутреннем кармане одного из пиджаков он обнаружил сложенный вчетверо белый листок. Это была записка, написанная арабской вязью, в которой ему были понятны лишь вставленные в текст цифры «\$ 1800000». Решив оставить записку себе, он продолжил поиски, которые так ни к чему и не привели.

Последнее место, куда он заглянул, была ванная комната на втором этаже. Осмотрев полки и туалетный столик, он не обнаружил никаких записных книжек, но его внимание привлекло мусорное ведро.

На самом верху ведра он наткнулся на пустую пачку от сигарет «Кул». Эти сигареты, он знал, курила Юлия. Повертев пачку, увидел написанные на задней стороне семь цифр: 229-7129. Цифры были записаны шариковой ручкой, наспех, почерк был женским. Возможно, это был чей-то номер телефона. Отложив пачку в сторону, продолжил поиски.

Расстелив на полу одно из полотенец, начал не спеша доставать из ведра и перекладывать на полотенце использованные клочки туалетной бумаги, ссохшиеся окурки. Брезгливостью, как любой спецназовец, он не страдал. Однако поиски его оказались тщетными, больше он ничего не нашел. Стараясь не нарушать последовательности, переложил мусор снова в мусорное ведро. Спрятал коробку от сигарет в карман, и, выйдя в гостиную, взял трубку и набрал 02.

Дежурная центрального поста соединила его с местным отделением, после чего трубку взял дежурный офицер. Голос был молодой. Услышав сообщение о двух трупах на даче в Серебряном Бору, этот голос быстро, будто ждал его звонка, сказал:

– Подождите, я дам начальника отделения.

Примерно через полминуты в мембране раздался низкий мужской голос:

– Начальник отделения подполковник Крапивин.

– Очень приятно. Павел Молчанов, начальник детективного агентства «Охранник».

– Мне сказали, вы нашли двух умерших?

– Совершенно верно.

– Где?

– Серебряный Бор, дачно-жилищный кооператив «Финансист», дача номер восемнадцать.

– Кто умершие?

– Владелица дачи Юлия Шершнева и ее малолетний сын Виктор.

– Понятно. – Голос помолчал. – Вы сейчас на этой даче?

– Да.

– Как вы там оказались?

– Вчера ко мне в агентство пришла Юлия Шершнева, владелица дачи. Она просила разыскать ее пропавшего мужа. Мы заключили с ней договор и условились, что я подъеду к ней на дачу, чтобы выяснить дополнительные обстоятельства. Когда я сегодня утром подъехал на дачу, на мой звонок никто не отозвался. Дача была открыта, я вошел и увидел два мертвых тела.

– Увидели где?

– На втором этаже, в детской комнате.

– Осматривали тела?

– Осматривал.

– Есть на них следы насильственных действий?

– Нет.

– Нет? – переспросил голос.

– Нет, – повторил он.

– Понятно. – В трубке наступила пауза. – Хорошо, будьте там, где находитесь. Никуда не уходите. Сейчас к вам подъедет наряд, а чуть позже – следственно-оперативная группа. И ничего не трогайте, вы меня поняли?

– Хорошо. – Услышав гудки, он отключил связь.

Милицейский наряд прибыл минут через пятнадцать. Все это время он сидел в кресле в гостиной, рассматривая замысловатые узоры на бронзовой вазе. Он умышленно не сообщил Крапивину о своих подозрениях, что Юлия и ее сын могли быть задушены подушками. По телефону о таких вещах говорить не стоит, когда же на даче окажется следственно-оперативная группа, она, конечно, сама обратит на это внимание. Конечно же он расскажет криминалисту и о найденных им возле прачечной двух подушках, и о своих безуспешных поисках наволочек.

О появлении наряда он догадался по раздавшимся у ворот дачи шуму машины и треску нескольких мотоциклов. Потом услышал громкие голоса. Большинство слов он не разобрал, ясно прозвучал лишь громкий крик: «Эй, смотри! Собака!»

Неожиданно, как по команде, голоса стихли. Несколько минут стояла тишина. Затем он уловил звук шагов, кто-то осторожно поднимался по ступеням веранды. Затем опять наступила тишина, но она длилась недолго. Дверь резко распахнулась, в прихожую ворвались два милиционера в форме. В вытянутых руках они держали пистолеты.

У одного из милиционеров были погоны старшего лейтенанта, вторым был сержант, которого он встретил утром, подъезжая к даче.

– Не двигаться! – Старший лейтенант направил ствол на него. – При малейшем движении стреляю!

– Я не двигаюсь, – сказал Молчанов.

Старший лейтенант, не опуская пистолета с направленным на него стволом, начал медленно, на полусогнутых ногах, приближаться к нему. На секунду остановившись, крикнул:

– Кузьмин, проверь подвал!

Сержант исчез в подвале.

Подойдя к нему почти вплотную, так, что ствол практически касался лба, старший лейтенант сказал свистящим шепотом:

– Встать! Руки за голову!

Встав, Молчанов заложил ладони за голову. Понаблюдав за ним, милиционер, не опуская пистолета, спросил:

– Кто такой?

– Молчанов Павел Александрович.

– Оружие есть?

– Есть.

– Где? Шевельнешься, сразу получишь пулю!

– В кобуре под пиджаком. С левой стороны.

– Ну-ка... – Освободив одну руку и продолжая держать ствол на уровне его лба, старший лейтенант вытащил из кобуры под пиджаком вальтер. Сунув пистолет в карман, сказал тем же свистящим шепотом: – Кто такой?

– Я уже назвался. Молчанов Павел Александрович.

– Имя я уже слышал. Кто такой?

– Если вы о профессии – я начальник охранно-детективного агентства «Охранник». В будущем прошу называть меня на «вы».

– Как тебя называть, решать буду я. Документы есть?

– Есть.

– Покажи.

– Не могу, подняты руки.

– Что?

– Я не могу предъявить вам документы, потому что мои руки у меня на затылке.

Помолчав, старший лейтенант сказал:

– Хорошо. Можешь опустить руки и показать документы.

Достав удостоверение и лицензию на владение оружием, протянул их старлею. Не опуская пистолета, тот взял документы одной рукой, и в это время в прихожей появился сержант.

– Внизу чисто, – сказал он. – Ну дела... Товарищ старший лейтенант, я этого типа уже видел.

– Хорошо. Возьми его на прицел, я посмотрю корочки.

Подняв ПСМ, сержант направил ствол на Молчанова.

Изучив удостоверение и лицензию, старший лейтенант спрятал их в карман, туда же, куда положил вальтер.

– Вы не имеете права отбирать документы, – заметил Молчанов.

– О правах поговорим потом.

В прихожую с веранды поднялись еще два милиционера, старшина и младший сержант.

– Собаку отравили, товарищ старший лейтенант, – доложил старшина.

– Хорошо. – Старлей посмотрел на Молчанова. – Корочки побудут у меня, проверю, не фальшивые ли они. Объясни, как ты здесь оказался?

– Я уже все объяснил подполковнику Крапивину, когда сообщал по телефону о происшествии. Но повторю. У меня, как у начальника охранно-детективного агентства, были дела с владелицей дачи Шершневой Юлией Михайловной. Мы договорились, что сегодня утром я приеду к ней сюда. Приехав, я увидел, что дача пуста. Думая, что Шершнева и ее малолетний сын гуляют где-то поблизости, я осмотрел ближайший лес и берег. Потом вернулся на дачу и стал ждать хозяйку с сыном здесь, в гостиной. Поскольку их долго не было, я осмотрел участок. Заметил мертвую собаку. Осмотрев после этого дом и поднявшись в детскую, увидел, что и Шершнева, и ее малолетний сын мертвы.

– Где эта детская?

– Наверху, на втором этаже.

– Понятно. – Старлей посмотрел на старшину и младшего сержанта. – Быстро наверх, посмотрите, что там. Один пусть останется охранять тела.

Милиционеры по винтовой лестнице поднялись наверх. Старший лейтенант поманил оставшегося с ним сержанта пальцем; когда тот подошел, спросил:

– Ты его уже видел?

– Так точно, – ответил сержант. – Утром.

– Когда?

– Точного времени не засекал, товарищ старший лейтенант. Но примерно без пятнадцати одиннадцать. Он ехал на машине «вольво». На той самой, что стоит у дачи.

В гостиную спустился старшина.

– Что там? – спросил старлей.

– Два трупа, женщина и мальчик. Лежат тихо, будто уснули.

– Понятно. – Старлей перевел взгляд на Молчанова. – Здесь вы появились около одиннадцати. А в милицию позвонили в три. Чем это объяснить?

– Я позвонил в милицию без двадцати три. Как я уже объяснил, я сначала и понятия не имел, что хозяйка и ее сын мертвы. Учтите, какое-то время я простоял у ворот, нажимая кнопку звонка. Потом, думая, что они гуляют, походил вокруг дачи, искал, может, они где-то поблизости. Потом просто сидел и ждал их здесь. Потом, обходя участок, увидел мертвую собаку и подумал, что стоит осмотреть дом. Осмотрел первый этаж, подвал. Потом поднялся на второй этаж, увидел хозяйку и ее сына. Убедившись, что помочь умершим ничем нельзя, сразу же позвонил в милицию.

Со стороны ворот раздался шум подъехавшей машины. Спрятав пистолет в кобуру, старший лейтенант вышел на веранду.

Через несколько секунд оттуда послышались голоса. Вернулся старший лейтенант вместе с четырьмя людьми в штатском.

Один из вошедших держал в руке папку, второй – чемоданчик судмедэксперта, третий – фотоаппарат. Все это указывало, что первый был прокурором-криминалистом, второй – судмедэкспертом, третий – фотографом. Четвертым, вошедшим в дом, был невысокий плотный человек с залысинами на круглой голове.

Было заметно, что старший лейтенант буквально ест этого человека глазами. Поймав взгляд вошедшего, старлей сказал:

– Товарищ подполковник, это он.

Подполковник несколько секунд изучал Молчанова.

Наконец сказал:

– Выходит, я разговаривал с вами. Моя фамилия Крапивин, я начальник отделения.

– Молчанов. Товарищ подполковник, в отношении меня было совершено беззаконие.

– Да? – Крапивин приподнялся и опустил на каблуках. – Какое?

– У меня без всяких на то оснований отобрали документы и оружие.

Повернувшись, подполковник посмотрел на старшего лейтенанта:

– Сухарев, твоя работа?

Пожав плечами, старший лейтенант снял фуражку. Волосы под ней были мокрыми.

– Я к вам обращаюсь, – сказал Крапивин.

Пригладив волосы, Сухарев снова надел фуражку.

– Товарищ подполковник, никакого беззакония не было. Я на всякий случай отобрал у него документы и оружие.

– Зачем?

– Так, товарищ подполковник, ситуация чрезвычайная...

– Будете наказаны.

– Так ситуация же чрезвычайная. – Сухарев потер лоб. – Нельзя было оставлять его с оружием, тут же два трупа. А документы, может, фальшивые.

– Дайте эти документы.

– Вот. – Сухарев протянул сложенные вместе удостоверение и лицензию.

Взяв документы, Крапивин бегло просмотрел их. Протянул Молчанову:

– Извините, Павел Александрович. Сухарев, отдайте человеку оружие. И обеспечьте наружную охрану.

– Слушаюсь. – Отдав Молчанову вальтер, Сухарев сделал знак милиционерам и вышел вместе с ними.

– Он будет наказан. – Крапивин еще раз поднялся и опустился на каблуках. Посмотрел на человека с папкой: – Дмитрий Викторович, вопросы к свидетелю у вас будут? Или подождете до допроса?

– Н-ну... – Человек с папкой протянул Молчанову руку: – Федяню Дмитрий Викторович, прокурор-криминалист.

– Очень приятно. – Молчанов пожал руку. – Молчанов Павел Александрович.

– Когда вы увидели умерших?

– Где-то в начале третьего.

– Как они выглядели?

– Сначала мне показалось, они еще живы. Но довольно скоро я понял, что все кончено.

– Следы насильственной смерти?

– Не заметил. Тела лежали спокойно. Не указывала на борьбу и обстановка. Правда, я нашел внизу, возле домашней прачечной, две подушки без наволочек.

– Две подушки без наволочек? Простите, Павел Александрович, какое отношение это имеет к нашему разговору?

– Я предположил, что хозяйку дачи и ее сына задушили этими подушками. Кстати, наволочек от этих подушек я среди белья не нашел.

Поморщившись, Федяню покачал головой:

– Павел Александрович, давайте не будем чесать левой рукой правое ухо. И фантазировать. После осмотра тел я вас допрошу, подождете?

– Конечно.

– Иван Васильевич, мы идем вверх, пойдете с нами?

– Да. – Поднявшись на несколько ступенек вслед за прокурором, Крапивин остановился. – Павел Александрович, я сейчас спущусь. Я хотел бы с вами поговорить.

– Да, конечно.

Крапивина не было минут десять. Спустившись, он сказал, не глядя на него:

– Павел Александрович, тут есть какое-нибудь место, где можно поговорить?

– Есть кабинет.

Оказавшись в кабинете, Крапивин тщательно закрыл за собой дверь. Сел в кресло, жестом пригласил сесть Молчанова.

Некоторое время они сидели молча. Изредка Крапивин медленно приглаживал редкие волосы сначала одной, потом другой рукой. Судя по движениям, этот жест у него был машинальным. Наконец сказал:

– Если хотите курить – курите.

– Я не курю.

– Простите моих молодцов. Вы ведь знаете, кто сейчас приходит в милицию.

– Нет вопросов.

– Вы сказали, что вели дело с Шершневой?

– Точнее, заключил договор о ведении дела.

– Когда?

– Вчера, примерно в полдвенадцатого дня.

– О ведении какого дела?

– Юлия заявила, ее муж исчез, и попросила узнать, что с ним случилось.

– До этого знали Шершневу?

- Нет. Вчера увидел ее в первый раз.
 - Почему она обратилась именно к вам? Есть же милиция.
 - Она обратилась в милицию по месту жительства, оставила заявление. Но решила обратиться также и ко мне.
 - Она говорила что-нибудь, почему от нее ушел муж?
 - Нет. Как я понял, она была в полном недоумении.
 - А у вас сложилось какое-нибудь мнение по этому поводу?
 - Никакого. Как оно могло сложиться, Иван Васильевич?
- Посмотрев на него, Крапивин кивнул:
- Ну да.
 - Вчера наша беседа длилась самое большее минут тридцать. Попробуй пойми, почему исчез муж женщины, если самой женщины уже нет.
 - Это верно. А насчет сегодняшнего случая... – Крапивин пригладил волосы. – У вас есть какие-то предположения? Кроме, извините, этих ваших подушек?
 - Нет.
- Крапивин долго молчал. Наконец сказал:
- Вообще-то, мне кажется, дело достаточно простое.
 - Да? – Ответ был данью вежливости.
 - Конечно. Причиной смерти могла стать какая-то болезнь. – Искоса посмотрев на него, Крапивин добавил: – Вам не кажется?
- Болезнь. Ну конечно. Это то, о чем Крапивин мечтает.
- Вы считаете – болезнь у обоих?
 - Почему нет? Многие болезни передаются по наследству. Например, врожденный порок сердца. Я посмотрел сейчас на оба трупа – типичные сердечники. Вам не показалось?
- Хорошо играет Крапивин. Но вступать с ним в ответную игру не стоит. Зачем – если они видятся в последний раз.
- Не знаю. Мне показалось, на лицах у них все признаки удушья.
 - Вот-вот, удушья. Сердечники, в общем, и умирают от удушья. Кстати, Дмитрий Викторович, с которым вы только что познакомились, уважаемый всеми прокурор-криминалист, тоже склоняется к этому мнению. Что причиной смерти стала наследственная болезнь.
- Молчанов ничего не ответил. Крапивин дружески похлопал его по плечу:
- Хорошо, Павел Александрович, не будем гадать. Наше дело теперь сторона, слово за медиками. Вы ведь останетесь? И подпишете протокол осмотра места происшествия – как свидетель?
 - Конечно.
 - Тогда подождите здесь. А я поднимусь наверх.
- Через полчаса в комнату вошел Федянюк. Ответив на его вопросы и поставив подпись на двух протоколах, Молчанов выехал в сторону центра Москвы.

Глава 3

Когда он вошел в квартиру, Оля сидела на кухне, придерживая рукой работающую кофемолку.

Убедившись, что зерна кофе превратились в мельчайшую пыль, выключила мотор. Посмотрела на него:

– Как поездка?

– Никак.

– То есть?

– Я застал Юлию и ее сына мертвыми.

Несколько секунд она молча разглядывала его. Наконец сказала:

– Мертвыми?

– Да.

– Что... обоих? И мальчика?

– И мальчика.

– Ну и ну. – Оля отставила кофемолку. – И что же с ними случилось?

– Не знаю.

– То есть как не знаешь? Ты же криминалист.

– Криминалисты многого не знают.

– Но... как это все произошло? Когда ты туда приехал, там кто-то был, кроме них?

– Никого. Я даже не сразу их нашел.

– Не сразу?

– Это большая дача. Пришлось обойти ее два раза. Они лежали в детской.

Он рассказал, в каком положении нашел тела. Однако о своих поисках двух наволочек сначала решил промолчать. Выслушав, Оля сказала:

– Слушай, но их наверняка убили.

– Может быть.

– Может быть... Ты говоришь так, будто тебя это не касается.

– Меня это и не касается... сейчас.

– То есть как не касается?

– Так. С Юлией у меня был договор о розыске ее мужа. Но расследовать обстоятельства ее смерти у меня договора нет.

– Но... – Оля помолчала. – Но надо же узнать, кто их убил.

– Надо.

– И мальчика жалко.

– Жалко. Но меня расследовать обстоятельства этих двух смертей никто не уполномочивал. Кроме того, за дело уже взялась милиция.

– А что говорит милиция?

– Милиция говорит, что и Юлия, и мальчик умерли своей смертью.

– Своей смертью?

– Да. Милиция считает, они умерли от какой-то болезни. Правда, официальной версии не может быть до результатов вскрытия. Но вскрытие, мне кажется, покажет то, что нужно.

– От какой еще болезни?

– По версии милиции – от сердечной недостаточности.

– Но это же чушь... Они ведь умерли одновременно? Юлия и мальчик?

– Скорее всего, одновременно.

– Но как можно одновременно умереть от сердечной недостаточности? Что, они прямо при тебе это сказали – насчет смерти от болезни?

- Прямо при мне.
- Кто это сказал?
- Сначала подполковник, начальник отделения милиции. Потом к этой версии присоединился прокурор-криминалист.
- Но это же... Это же вранье! – Ее глаза горели ненавистью. – Значит, они оба, и этот подполковник, и прокурор, замазаны в этом.
- Может быть.
- Опять «может быть»... И что, ты молчал, когда они все это говорили?
- Молчал. А что, ты предложила бы мне спорить с ними? Доказывать, что они замазаны в этом деле?
- В кухне наступила тишина.
- Сволочи, какие сволочи... – Помолчала. – Да, ты прав. Доказать им ничего нельзя.
- Он не ответил. Машинально повернув кофемолку, она вздохнула:
- Паша, но ведь это несправедливо.
- Несправедливо... Ладно, я тебе больше скажу.
- Больше?
- Да. Очень похоже, Юлию и мальчика задушили подушками.
- Она внимательно посмотрела на него:
- Да?
- Да. Но если их задушили подушками, на наволочках должны были остаться следы выделений. Понимаешь, о чем я говорю?
- Прекрасно понимаю.
- Две подушки, которые должны были находиться в спальне, валялись в подвале. Наволочек на них не было. Я обыскал все, но этих наволочек так и не нашел. Понимаешь, что к чему? Наволочки кто-то унес.
- Ты сказал об этом ментам?
- Сказал. Но они пропустили мои слова мимо ушей.
- Все правильно. – Она встала, пересыпала порошок в кофеварку. Дождавшись, пока кофе будет готов, разлила его по чашкам. Вздохнула. – Сволочи... Будь они все прокляты...
- Подошла к окну. Она стояла к нему спиной.
- Отхлебнув, он поставил чашку на стол. Подойдя к ней, обнял за плечи. Спросил:
- Ну, ты что?
- Ничего.
- Перестань.
- Да ладно. Просто все настроение испорчено. Жить не хочется.
- У него, как и у нее, настроение было хуже некуда. Тем не менее он сказал:
- Ты не забыла, что мы хотели сегодня вечером встретиться с Джоном?
- Не забыла.
- Я попробую ему сейчас позвонить?
- Она долго не отвечала. Наконец сказала:
- Звони. Мне кажется, дома сидеть я все равно не смогу.
- Взял телефон, набрал номер гостиницы «Золотой амулет».
- Услышав ответ дежурного, попросил:
- Посмотрите, пожалуйста, проживает ли у вас гражданин США Джон Лейтнер?
- Секундочку... Да, с сегодняшнего дня господин Джон Лейтнер проживает в нашей гостинице.
- Не знаете, он сейчас у себя?
- У себя. Можете записать номер его телефона.
- Набрав записанный номер, Павел услышал знакомый раскатистый баритон:

- Хелло?
- Джон, привет, это Пол Молчанов.
- Пол... Дьявол, если бы ты знал, как я рад тебя слышать! Ты откуда?
- Из дома. Давно прилетел?
- По-вашему – в девять утра.
- Тебя встретили, разместили?
- У меня все в порядке. Меня встретили, дали довольно приличный номер, я успел даже пару часов поспать. Что ты собираешься сейчас делать?
- Джон, мы с Олей хотим пригласить тебя сегодня вечером в ресторан, в «Золотой амулет». Посидим, поговорим, вспомним старое. Как ты?
- Отличная идея.
- Тогда я сейчас закажу столик.
- Не нужно ничего заказывать, столик обеспечу я. Нас будет трое?
- Если не возражаешь, четверо. Оля хочет взять с собой приятельницу, очень милую девушку. Для компании. Ты не против?
- Как я могу быть против? Девушки – это то, чего в Москве мне будет остро не хватать.
- Тогда договорились. Мы подойдем в восемь, это нормально?
- Отлично. В восемь жду вас в «Золотом амулете». Чао, Пол, до встречи!
- До встречи.

Молчанов положил трубку. Оля покачала головой:

- Паша, ну при чем тут «очень милая девушка»? Какая очень милая девушка? Я ведь даже не знаю, кого позвать.
- Оля, неужели та, с которой ты хочешь познакомить моего лучшего друга, не будет очень милой девушкой?
- Паша...
- Что – Паша?
- То, что ты не исправим... Ладно, дай подумать.

Подруг у нее было много, в принципе она могла позвонить любой. Перебрала в памяти несколько имен. В конце концов подумала: Лариса Киселева, лучшего варианта не найти. Кися будет рада с ней встретиться и пойдет, куда бы она ее ни позвала.

С Ларисой Киселевой, которую она звала Кися, Оля познакомилась, только приехав в Москву. Мечтавшая тогда стать актрисой, Лариса приехала в столицу из Архангельска, и они некоторое время держались друг друга – вдвоем найти свое место в Москве было легче. Потом их пути разошлись: Оля познакомилась с Майклом, который вскоре сделал ей предложение, и уехала с ним в Монреаль. Лариса же, так и не поступившая на актерский факультет, устроилась работать на «Мосфильм» – сначала помощником монтажера, а потом гримершей. На «Мосфильме» работала и сейчас.

Да, точно, она позвонит Кисе, это самое лучшее. К тому же Кися сносно говорит по-английски.

- Паша, я решила. Я позвоню Кисе.
- Кисе? Напомни, кто это?
- Лариса Киселева. Она работает на «Мосфильме».
- А, вспомнил. Это такая блондинка?
- Да, это такая блондинка. Между прочим, эта блондинка – моя хорошая подруга. Ты что-то имеешь против?
- Ничего я не имею против, ты что? Просто у нее такое специфическое выражение лица, как у сестрицы Аленушки, которая только что потеряла братца Иванушку. Это она?

– Паша... – Оля взяла трубку. – Кися – нормальная, порядочная девчонка, моя очень хорошая подруга, которая никогда меня не подведет. И сестрица Аленушка и братец Иванушка здесь ни при чем. – Набрала номер. После двух гудков трубку сняли.

– Алло? – отозвалась Лариса.

– Кися, привет, это я.

– Ой, Оля... Ты куда пропала? Целую вечность не звонила.

– Так, дела. Ты что собираешься делать сегодня вечером?

– Даже не знаю. А что?

– Пойдем с нами в ресторан?

– С вами в ресторан? Что это вы вдруг?

– Просто мы тебя приглашаем. С нами будет Пашин друг, Джон, американец, он только что прилетел в Москву. Посидим, отметим встречу. Заодно поболтаем. А?

– Пашин друг, американец...

– Что ты раздумываешь? Ты что, не хочешь?

– Нет, что ты... Конечно, я очень хочу пойти с вами. Но как-то все неожиданно. Оля, клянусь, мне ведь даже нечего надеть.

– Слушай, перестань хныкать. Будь готова к половине восьмого, мы за тобой заедем. Хорошо?

– Ну... хорошо. Где это хоть будет?

– В «Золотом амулете». Все, Кися, до встречи.

– До встречи...

Когда они подъехали к дому на Плющихе, где жила Олина подруга, и Кися вышла, Молчанов не поверил своим глазам. Образ, удерживавшийся в его памяти, был образом худой, высокой, застенчивой девушки с настороженными глазами, подчиняющейся каждому слову Оли. Сейчас же к машине подошла уверенная в себе, высокая и стройная молодая женщина. На Ларисе было очень модное коричневое вязаное платье в обтяжку и коричневые замшевые ботинки. Ее лицо с голубыми глазами, маленьким вздернутым носом и пухлыми губами, со светлыми, спадающими на плечи волосами конечно же можно было сравнить с лицом сказочной сестрицы Аленушки – но с поправкой на то, что никаких следов страданий по братцу Иванушке на этом лице не было.

Улыбнувшись, Кися открыла заднюю дверцу и села в машину:

– Я не опоздала?

– Нет, все в порядке, – сказал Молчанов. – Лариса, вы прекрасно выглядите.

– Павел, перестаньте... Я сегодня как раз не в форме. Поехали?

– Да, конечно.

В зал ресторана «Золотой амулет» они вошли без пяти восемь. Здесь было шумно, играл оркестр, перед эстрадой танцевало несколько пар.

Оглядев зал, Молчанов не увидел никого, кто напоминал бы Джона Лейтнера.

Заметивший их метрдотель подошел к ним. Осмотрев Молчанова, поднял брови:

– Простите, вы кого-то ищете?

– Ищем свой столик, – сказал Молчанов.

– Номер столика?

– Сами не знаем. Столик должен был заказать мой приятель, его фамилия Лейтнер.

– Ваша фамилия?

– Молчанов.

– Все правильно. Идемте, я вас провожу.

Подведя их к столику перед эстрадой и дождавшись, пока они сядут, метрдотель пригнулся к Молчанову:

– Господин Лейтнер ненадолго отошел. Вон он, разговаривает с господином Трентом.

Посмотрев в направлении его взгляда, Молчанов увидел Джона. Лейтнер стоял за эстрадой, беседуя с невысоким толстяком, на лице которого отражалась готовность вкусить все удовольствия жизни. Рядом, явно скучая, стояла красивая зеленоглазая шатенка с удивительно тонкими чертами лица.

Джон нисколько не изменился, у него были те же коротко стриженные волосы цвета пакли, те же светло-серые глаза, тот же сломанный когда-то в отчаянной футбольной схватке нос, который делал его лицо еще более мужественным. На нем был темно-серый твидовый пиджак, черные брюки и черный галстук-бабочка.

Повернувшись в их сторону, Джон наконец увидел его. Что-то сказав Тренту и его спутнице, подошел к столику.

Молчанов встал, они обнялись. Сжав его в стальных объятиях, Джон отодвинулся:

– Черт, Пол, ты все такой же. Я страшно рад, что мы встретились.

– Я тоже.

– Только не убивай меня за то, что я отошел. Я должен был подойти к Бобу Тренту, это мой клиент.

– Ладно, пустяки. Садись, я представлю тебя девушкам.

После того как с церемонией представления было покончено, Джон сказал:

– Пол, в одном из писем ты писал, что встретил девушку, которая, цитирую буквально, «подходит мне на все сто процентов и со всех сторон». Оля, вы – та самая девушка?

– Та самая. Только сомневаюсь, что я подхожу ему на все сто процентов, – сказала Оля.

– Это старая история, – засмеялся Джон. – Никто никогда никому не подходит на все сто процентов. Но в этом как раз и состоит главная прелесть жизни, так ведь?

Вечер протекал легко, настроение у всех было отличным.

В один из моментов, когда Оля и Лариса отошли, Джон сказал:

– Пол, где ты разыскал такую красавицу? Я имею в виду Ларису?

– Она тебе понравилась?

– Понравилась – не то слово. Я просто влюбился. Кто она?

– Обычная девушка. Работает на киностудии художником по гриму. Живет, между прочим, одна.

– Прекрасная девушка.

– Рад за тебя. Раз она тебе нравится – начинай за ней ухаживать. Не мне тебя учить.

– А что, и начну. Пол, ну как ты вообще? Что у тебя?

– Что у меня, ты видишь. На дела пожаловаться не могу, пока все идет отлично. У меня детективное агентство, работа мне нравится. Ну и главное – у меня есть Оля. У тебя-то что? Объяснишь, зачем приехал в Москву?

– Приехал, чтобы консультировать совладельца «Золотого амулета» Боба Трента, которого ты только что видел. Трент владеет гостиницей и рестораном на равных правах с вашим русским, которого зовут Сергей Гонтарь. Как я понял, это иногда вызывает некоторые шероховатости и сложности. Я помогаю их исправить.

– Что-то не слышал раньше, что это по твоей части.

– Ну... – Молчанову показалось, в голосе Джона отразилось некоторое колебание. – Скажем так, это по части моей фирмы «Консалтинг интернейшнл». Мы помогаем бизнесменам выработать главную линию при ведении дел, разбираться в тонкостях рынка, наладить правильную рекламу и так далее. Видишь ли, многие в Штатах заинтересованы в том, чтобы вкладывать деньги в какой-то бизнес в России. Но прежде чем вкладывать деньги, они должны убедиться, что их деньги не пропадут. В этом им помогают фирмы вроде моей. – Увидев показавшихся в дверях Олю и Ларису, Джон пригнулся. – Предупреждаю, я по твоему совету начи-

наю классически ухаживать за Ларисой. Покупать цветы, делать подарки, провожать домой и так далее.

– Прекрасная мысль. Как говорят у нас в России – с почином.

Джон, как и обещал, продолжил линию классического ухаживания, предложив Ларисе после ужина отвезти ее на своей машине домой. Предложение было милостиво принято.

На следующий день Джон позвонил Молчанову в десять утра.

– Пол, я хотел поблагодарить вас с Олей за вчерашний вечер. Он был просто замечательным.

– Мы рады.

– Слушай, сегодня воскресенье, погода прекрасная, может, мы все вчетвером походим по Москве? И вы покажете мне свой город? С Ларисой я уже договорился.

– Отличная идея. Где встретимся?

– Где скажешь.

– Давай у памятника Пушкину.

– Лариса знает, где это?

– Конечно. Подъезжайте в двенадцать часов, мы с Олей будем вас там ждать.

Им повезло, хорошая погода стояла весь день. Джон увидел все, что есть в Москве знаменитого, ему были показаны и тайные уголки, и всемирно известные диковины, которых в Москве немало.

Во время ужина в ресторане, которым закончился осмотр города, Джон заверил всех, что впечатлений от этого дня ему хватит на всю жизнь.

Судя по Ларисе, она была с ним полностью согласна.

Глава 4

В понедельник, выбрав момент, когда остался в кабинете один, Молчанов достал записку, найденную им на даче Шершневых.

Записка была написана арабской вязью с числом «\$ 1800000» в тексте – это, скорее всего, означало, что речь идет о деньгах.

Он прошел в кабинет Радича, усевшись в кресло, сказал:

- Сергей Петрович, вы ведь когда-то воевали в Афгане.
- Воевал. – Сняв очки, Радич протер их. – На заре туманной юности. А что?
- Может, у вас есть знакомые переводчики? Мне нужно перевести с арабского.
- Перевести что?
- Это. – Он положил перед Радичем снятую с записки копию.

Изучив текст, отставной полковник сказал:

- Паша, дорогой, это не арабский. Это фарси. Афганский диалект таджикского.
- Но шрифт вроде арабский?
- Шрифт арабский, потому что большинство фарсоязычных стран используют арабский шрифт. Где ты это взял?
- Нашел в кармане одного из пиджаков на даче Шершневых.

Молчанов коротко рассказал о субботней поездке, а также о своих подозрениях. Выслушав, Радич заметил:

- Н-да, дорогой Паша... Историйка не очень... Крайне неприятная.
- Неприятная. Но нас она уже не касается.
- Хорошо бы.
- Почему она нас должна касаться?

Радич взял лежащую на столе трубку. Набив ее табаком, вздохнул:

- Ладно, будем надеяться, что не коснется. Зачем тебе перевод этой записки?
- Считаете, ее не нужно переводить?

Подумав, Радич потер подбородок:

- Черт, тебя не обойдешь. Ты прав, переводить такую записку нужно в любом случае.
- Вот я и прошу найти переводчика.
- Ладно, найдем. – Радич взгляделся в бумажку. – Несколько слов здесь я разобрал, но нужен качественный перевод.

Загудел телефон. Взяв трубку, Радич передал ее Молчанову:

- Оля.
 - Павел Александрович, к вам посетитель, – услышал он голос Оли.
- Понимая, что она не одна, спросил:
- Что за посетитель?
 - Нина Николаевна Боровицкая.
 - Откуда она взялась, эта Боровицкая?
 - Нина Николаевна Боровицкая – мама Юлии Шершневой.
 - Мама Юлии Шершневой? – Прислушался к молчанию в трубке. – Что, она уже в приемной?
 - Да. Она пришла только что, без звонка. И... надеюсь, вы понимаете.
 - Понимаю... Хорошо, сейчас подойду. – Положил трубку. – Пришла мать Юлии Шершневой.

Радич склонил голову набок, пытаясь разжечь спичкой трубку. Сказал язвительно:

- То есть убитой?
- Да, убитой. Без звонка.

– Ну... – Трубка наконец разожглась, и Радич затянулся. – Что я могу тебе сказать? Иди.
– Иду. Только вот что еще, Сергей Петрович. Вы можете по своим старым связям узнать отношение Шершнева Олега Владимировича к военной службе? В частности, проверить, не воевал ли он в Афганистане?
– Ладно. – Радич пыхнул трубкой. – Попробую.

Нина Николаевна Боровицкая сидела на диване. Он сразу узнал ее – это она вместе с Витей была запечатлена на нескольких фотографиях, обнаруженных им в семейном альбоме Шершневых. Одну из этих фотографий он взял с собой.

На вид Боровицкой было лет пятьдесят с небольшим; на ней была длинная черная юбка, черная кофточка и черный пиджак-букле. В руке она держала небольшую черную сумочку. Сходство с Юлией было заметно, у Боровицкой были русые с проседью, гладко зачесанные и собранные сзади волосы, такие же, как у дочери, светлые глаза, небольшой нос и округлый подбородок. Макияжа на ней не было – если не считать легких теней у глаз и чуть тронутых помадой губ.

При его появлении посетительница вопросительно посмотрела на Олю. Перестав работать на компьютере, Оля сказала:

– Павел Александрович, это Нина Николаевна Боровицкая.

Помедлив, женщина протянула руку:

– Боровицкая.

– Здравствуйте, Нина Николаевна. – Пожав ей руку, он чуть тронул ее за локоть, как бы давая понять, что она должна встать. – Пожалуйста, прошу, проходите ко мне в кабинет.

– Спасибо. – Она встала, прошла в дверь. Походка у нее была прямой, твердой, уверенной. Подойдя к столу, Боровицкая вопросительно посмотрела на него. Он кивнул:

– Прошу, садитесь, Нина Николаевна.

После того как она села, сел сам на свое обычное место. Сказать он ничего не успел – неожиданно, как-то беспомощно схватившись руками за щеки, Боровицкая разрыдалась.

Он подошел к ней, но она, продолжая всхлипывать и стонать, отстранила его рукой:

– Не надо... Не мешайте... Сейчас... Сейчас все кончится... – Он не отходил, и она прошептала: – Да не мешайте же...

– Оля! – крикнул он. – Оля, воды!

– Не смейте! – вдруг прошептала Боровицкая, подняв голову. – Не смейте просить для меня воды! Не надо мне никакой воды!

Дверь открылась. Оля, державшая в руке стакан с водой, вопросительно посмотрела на него. Боровицкая, низко опустив голову, будто стыдясь, открыла сумочку. Достав платок и вытирая лицо, сказала очень тихо:

– Извините, ради бога... Все уже прошло... Прошло... Пожалуйста, Олечка, выйдите...

Оля снова посмотрела на него. Он показал знаком: выйди. Покачав головой, Оля вышла.

Когда дверь за Олей закрылась, Боровицкая, все еще не поднимая головы и держа платок у глаз, сказала:

– Ради бога, простите, Павел Александрович.

– Ничего страшного. Я все понимаю.

– Садитесь. – Подняв на него глаза, улыбнулась через силу. – Садитесь, пожалуйста, Павел Александрович. Мне очень важно сейчас с вами поговорить. Очень.

Подождав, пока он сядет, сказала как-то бесстрастно, глядя сквозь него:

– Понимаете... Юля и Витя были для меня всем... Всем в жизни... Теперь этого нет...

Нет... – Посмотрела на него. – Вижу, вы понимаете это?

– Понимаю.

Она достала из сумочки зеркальце, поправила что-то на лице. Спросила:

– Я знаю, их обнаружили вы?

– Я.

– Ну вот. – Спрятала зеркальце. Наступило долгое молчание, которое он умышленно не прерывал. – Я только что была в прокуратуре. В районной прокуратуре. Говорила со прокурором, фамилия которого Федяanko. – Помолчала. – Он опять повторил эту чушь.

Он ничего не сказал – хотя прекрасно понял, какую чушь она имеет в виду.

– Чушь, что якобы Юлия и Витя умерли естественной смертью. Вы слышали эту версию? О якобы естественной смерти моей дочери и внука?

– Слышал.

– Неужели вы тоже считаете, что они умерли естественной смертью?

– Нет, я так не считаю.

Она осторожно тронула глаза платком.

– Спасибо. Нашелся хоть один нормальный человек.

Опять наступила тишина, которую прервала Боровицкая:

– Сердечная недостаточность... Ясно, они несут полную чушь. Юлия всегда была здоровой девочкой. И Витя был здоровым мальчиком. Они... – Спрятала платок в сумочку. – Они просто хотят снять с себя ответственность. И все.

Он не знал, что ей на это ответить.

– Мою дочь и внука убили. Безжалостно убили. Я вижу, вы понимаете, что их убили?

Она смотрела в упор. Ладно, подумал он, надо же, в конце концов, вести себя нормально. Как он всегда себя вел.

– Конечно, Нина Николаевна. Я понимаю, что их убили.

– Слава богу, наконец-то я слышу честный ответ. – Порывшись в сумочке, она достала пачку «Столичных». – И вы ничего не делаете, никому ничего не говорите, хотя понимаете, что их убили?

– А что я могу сделать? И кому я могу что-то сказать?

– Не знаю. – Посмотрела на него. – Извините, я могу закурить?

– Конечно. – Он придвинул пепельницу.

Она достала из пачки сигарету, прикурила от своей зажигалки. Сделала несколько затяжек, помахала рукой, разгоняя дым.

– Извините еще раз. Но вы можете сделать одну вещь.

– Какую?

– Найти убийц моей дочери. И моего внука.

– Но...

Пока он подбирал слова, она, взглянув на него в упор, покачала головой:

– Никаких но. Если вы порядочный человек, вы возьметесь за это.

Положив сигарету в пепельницу, достала из сумочки сверток. Молча положила на стол.

– Что это? – спросил он.

– Здесь все мои сбережения. Восемнадцать тысяч долларов.

– Вот что, Нина Николаевна. – Он выдержал паузу. – Уберите, пожалуйста, эти деньги. Я их все равно не возьму.

– Нет, возьмете. Я знаю, вести такое расследование трудно. Но вы должны им заняться. Должны, вы понимаете, Павел Александрович?

Он знал, что не сможет ей отказать.

– Хорошо, я попробую заняться этим расследованием. Но деньги ваши я все равно не возьму.

– Почему?

– Потому что я уже получил двадцать тысяч долларов – от Юлии.

– Я знаю это.

– Вот и хорошо. Я, кстати, собирался вернуть их вам.

– Не нужно мне ничего возвращать. Оставьте себе деньги Юлии. И возьмите мои.

– Но я не могу этого сделать.

– Почему?

– Да перестаньте, Нина Николаевна. Потому что так дела не ведутся.

– Дела... – Взяв потухшую сигарету, Боровицкая чиркнула зажигалкой. Затаившись, посмотрела на него. – Павел Александрович, извините – какие могут быть дела? Нет никаких дел. Я потеряла все, поймите это. И... – Затаилась. – Даже если вы не найдете убийц, но будете их искать, мне будет легче. Понимаете?

Он понимал это. Хотя и не хотел говорить, что понимает.

– Главное, чтобы вы их искали. Если вы начнете их искать, я буду знать... Я хоть буду знать, что есть один человек на свете, который этим занимается. Это будет надежда. Не отбирайте у меня надежду, пожалуйста.

– Хорошо, Нина Николаевна. Я берусь за это дело. Но мы должны с вами кое-что обговорить – здесь, пока вы не ушли.

Усмехнулась:

– Пока я не ушла... Боитесь, что меня тоже задушат? Как Юлечку?

– Нина Николаевна...

Он испугался, что у нее снова начнется истерика, – ее губы мелко дрожали.

– Боитесь, боитесь, вижу. Дорогой Павел Александрович, меня не задушат. А если задушат, я буду даже рада.

– Перестаньте.

– Да нет, я в самом деле буду рада, потому что перед смертью смогу плюнуть им в рожу. – Притушила сигарету, от которой остался один фильтр. – Ладно, спрашивайте. Что бы вы хотели знать?

– Я боюсь за ваши нервы, Нина Николаевна.

– Не бойтесь. Я уже в порядке.

– Для начала я должен сказать, что, как я понял, убийство вашей дочери и вашего внука было хорошо организовано.

– Хорошо организовано?

– Да. Вы знаете, что на даче отравили собаку?

– Я знаю, что Шуруп умер, съев какую-то гадость. Так мне сказали в милиции.

– Собаку отравили. Ей дали отравленную печенку. Я видел эту печенку и видел пену на губах собаки. Съесть что-то случайно она не могла, ее держали на цепи.

– Знаю... – Боровицкая покачала головой. – Сволочи... Какие сволочи... Что вы еще хотели бы знать?

– Скажите, на даче в Серебряном Бору, кроме Юлии, ее мужа и Вити, проживал кто-то еще?

– В смысле?

– Я заметил, что в Витиной спальне, в детской, стоит еще одна кровать, вторая. Для кого она?

– А, вы об этом. Эту кровать поставили для меня.

– Для вас?

– Да. Кровать эта стоит в Витиной спальне с самого начала. Как только дача была построена. Почти все лето я живу... жила на этой даче, – поправились она. – Ну, знаете, как это бывает... Я постоянно гуляла с внуком, рассказывала сказки. На ночь, естественно, тоже. Поэтому как-то так сложилось, что я всегда спала с ним в одной спальне. Он к этому привык.

– Значит, вы знаете порядки в спальнях на этой даче?

– Порядки в спальнях? Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду то, как было принято застилать на даче кровати. Одинаково и в той и в другой спальне?

– Не понимаю. Конечно, одинаково.

– Уточним – сколько на каждой кровати обычно находилось подушек?

– Подушек? По две.

– На каждой кровати?

– На каждой кровати. Не пойму только, почему вы об этом спрашиваете?

– Сейчас объясню. Только... возьмите себя в руки, Нина Николаевна.

– Павел Александрович, говорите смело обо всем. Приступа слабости больше не будет.

– Хорошо. Так вот, я почти уверен – вашу дочь и вашего внука задушили подушками.

– Задушили подушками... – Боровицкая закусила губу. – О господи... Ну конечно...

С минуту она сидела молча. Вдохнула:

– А я... я тоже хороша... Могла сама об этом догадаться... А вы сразу это поняли?

– Да, сразу. Окончательно моя догадка подтвердилась, когда я не смог найти на даче две наволочки.

– Две наволочки?

– Да. Те две наволочки, которые кто-то снял с двух подушек, – на них, как я понял, спали в ту ночь ваша дочь и ваш внук. Кстати, Витя спал иногда в одной спальне с матерью?

– Когда на даче не было меня и Олега, он всегда спал с ней. Он боялся спать один.

– Я так и понял. Так вот, когда я увидел... увидел вашу дочь и вашего внука, я сразу подумал о подушках. В спальне для взрослых не хватало двух подушек, я нашел их внизу, около прачечной. Но наволочек на них не было.

– Но... зачем вам наволочки?

– Затем, что... – Он помолчал. – Нина Николаевна, вы уверены в себе?

– Говорите, говорите, Павел Александрович. Я выдержу.

– Хорошо. Видите ли, когда людей душат подушками, на подушке или на наволочке, если она есть, обязательно остаются следы выделений. Выделений слюны, иногда рвоты. Поэтому, если у тех, кто ведет расследование, есть подушка или наволочка со следами выделений и есть, извините, мертвый человек, которому принадлежат эти выделения, они легко могут доказать, что этого человека задушили именно этой подушкой. Для этого достаточно взять на экспертизу его слюну или желудочный сок. И сравнить со слюной или рвотой на наволочке. Еще раз извините.

– Не извиняйтесь. В конце концов, я должна знать, как все произошло. Что еще вас интересует?

– На сегодня больше ничего. Кроме одного. – Он замолчал.

– Да, слушаю? Кроме чего одного?

– Но, Нина Николаевна, предупреждаю – это очень серьезно.

– Говорите, говорите.

– Вы сказали, что вас тоже могут задушить – как вашу дочь. Сказали в шутку. Но мы с вами должны понять: ситуация совсем не шуточная.

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать... – Помолчал. – Где вы живете?

– У меня квартира на Ленинградском проспекте. Недалеко от метро «Аэропорт».

– Вы работаете?

– Я беру работу на дом. Я корректор, подрабатываю в издательствах.

– Вы могли бы на время уехать из Москвы? К каким-нибудь знакомым, родственникам?

– Зачем?

– Для безопасности.

– Для безопасности... – Некоторое время Боровицкая рассматривала его с усмешкой. – Павел Александрович, я никуда не уеду. Пусть убивают. Я свое отжила.

– Дорогая Нина Николаевна, дело не в том, отжили вы свое или нет. Если вы поручаете мне расследование обстоятельств убийства вашей дочери и внука, мне важно, чтобы вы оставались, извините, живы. Мне нужны детали их жизни, привычек, знакомств, объяснить которые при случае сможете только вы. Если же вас убьют, передо мной вместо всего этого будет просто черная дыра. И ничего больше. Понимаете?

Посидев молча, она сказала:

– Ну... Не знаю даже... У меня есть очень хорошая знакомая... Она мне больше чем родственница...

– Где она живет?

– В Калужской области. В Тарусе.

– Вот и переезжайте к ней. На время.

– Не знаю даже. Что, вы серьезно считаете, что они могут... и меня?

– Считаю. Ваша приятельница работает?

– Нет, она пенсионерка по болезни. Она одинокая женщина, живет одна.

– Свяжитесь с ней. И если она не против – переезжайте к ней как можно скорее. Вы можете пожить там... ну, скажем, с полгода?

– Могу. Если вы считаете, что это нужно.

– Я считаю, это необходимо.

– Хорошо, я сегодня с ней свяжусь.

– Свяжитесь. И, если она не против, переезжайте сразу же. Как зовут вашу приятельницу?

– Римма Валентиновна.

– Фамилия?

– Муравьева.

– Продиктуйте мне на всякий случай ее адрес и телефон. И оставьте свой адрес и телефон. – Записав, сказал: – И последнее. Есть одна тонкость.

– Какая?

– Сейчас объясню. Официально вести расследование обстоятельств убийства вашей дочери и внука я не могу – поскольку этим уже занимаются милиция и прокуратура. Это будет параллельное расследование, а вести параллельное расследование криминальных, да и любых других преступлений частные агентства не имеют права. Но мы можем переписать на ваше имя договор, который наше агентство заключило с Юлией, – о розыске ее пропавшего мужа. Как только мы это сделаем, наше агентство получит формальное право проводить все необходимые розыскные и следственные действия, касающиеся вообще вашей семьи. В широком смысле слова. Понимаете?

– Понимаю. Хорошо, давайте перезаключим этот договор.

– Тогда пройдемте к Оле. Нина Николаевна, и я очень вас прошу – возьмите назад эти восемнадцать тысяч.

– Да не возьму я их.

– Возьмите. Они вам понадобятся, если вы переедете в Калужскую область.

– Не волнуйтесь. У Риммы я проживу без этих денег. Я возьму с собой работу.

– Нина Николаевна, дело даже не в этом. Если вы возьмете сейчас эти деньги и мы перезаключим уже существующий договор на ваше имя, я, даже не столько я, сколько наш бухгалтер будет спокоен. Если же в деле начнут фигурировать дополнительные восемнадцать тысяч и кто-то решит нас проверить – мы мороки не оберемся.

– Так не записывайте их. Возьмите так.

– Это еще хуже. Куда я их дену? Если положу в банк, они сразу всплывут при любой проверке. Всплывут они также, если я их положу, как принято говорить, в чулок. Они всплывут, даже если я их буду постоянно носить с собой.

– Так потратьте. Прямо сейчас потратьте. У вас ведь наверняка есть на что их потратить?

– Нина Николаевна, дорогая... Давайте не будем спорить. Возьмите деньги. Будет спокойнее и нам, и вам.

– Ну... хорошо. – Взяла сверток, спрятала его в сумочку. – Хорошо. Эти деньги будут лежать у меня, но они будут считаться вашими. Слышите, Павел Александрович?

– Слышу. А теперь пройдем к Оле.

После того как договор был переписан и Боровицкая ушла, он посмотрел на часы – они показывали без двадцати два. Выдвинув ящик стола, достал лежавшую там пустую пачку от сигарет «Кул». Повернув задней стороной, посмотрел на цифры 229-7129.

Он только что видел договор, дата и подпись на котором были проставлены рукой Юлии Шершневой. Без сомнения, цифры на коробке от сигарет были написаны той же рукой.

В принципе эти цифры могли обозначать что угодно, но, скорее всего, это был все же чей-то номер телефона.

Взяв трубку, набрал его. После многих длинных гудков трубку сняли:

– Алло? – Голос был женским, хриплым, низким и выражал высшую степень недовольства.

– Простите, с кем я говорю? – спросил он.

– О господи... – Голос застонал. – Вы с ума сошли...

Тут же раздались короткие гудки. Нажав на рычаг, набрал номер снова. На этот раз трубку сняли быстрее.

– Да? – сказал тот же голос, в котором теперь слышалось отчаяние. – Неужели это опять вы?

– Милая, дорогая женщина, дама, не знаю, как вас величать... Умоляю вас, пожалуйста, не кладите трубку... Для меня этот звонок очень важен...

– О господи... – Он услышал шуршание, скрип, раздраженное покашливание. – Вы меня разбудили... Окончательно разбудили...

– Простите, я не знал, что вы спите. Сейчас почти два часа дня.

– Два часа дня... Для меня это утро... Раннее утро, понимаете?

– Понимаю. Простите, ради бога. И все же – мне очень важно с вами поговорить.

– Поговорить... О господи... Вы сами-то кто?

– Меня зовут Павел Молчанов.

– Павел Молчанов... – Голос снова прокашлялся, после чего стал чище. – Павел Молчанов... – Он услышал звуки, какие бывают, когда пьют воду из стакана. – И что вам от меня нужно, Павел Молчанов?

– Мне нужно с вами встретиться и поговорить.

– Зачем?

– Просто нужно. По очень важному делу. Я объясню это при встрече.

– Господи... Дорогой мой, милый Павел Молчанов... У вас очень приятный голос, но я не могу с вами встречаться, не зная, зачем вы мне звоните... Да я и вообще не могу с вами встречаться... У меня не так много свободного времени, чтобы встречаться с кем бы то ни было... Я занятой человек, понимаете?

– Понимаю. Но мне очень нужно с вами встретиться.

– Ему очень нужно со мной встретиться... Откуда вы узнали мой телефон?

– Я объясню это при встрече.

– Вы все хотите объяснить при встрече... – В трубке раздались какие-то звуки, плеск воды. Похоже, обладательница голоса уже встала и ходила по своей квартире. – Вообще, чем вы занимаетесь?

– Я начальник охранно-детективного агентства.

– Охранно-детективного агентства? То есть... То есть вы сыщик?

– Можно сказать и так.

– И вы хотите что-то у меня выведать?

– Можно сказать и так.

– Что?

– Я не могу сказать этого по телефону.

– О господи... Что, это государственная тайна?

– Нет, это не государственная тайна. Но я хотел бы все же поговорить об этом при личной встрече.

– При личной встрече... – Раздался тяжелый вздох. – Не знаю даже, что вам сказать. Я очень занята, понимаете?

– Понимаю. Может, вы скажете мне, как вас зовут? Вы ведь знаете мое имя.

– Как меня зовут? Меня зовут Стелла.

– Очень приятно.

– А мне, извините, неприятно. Вы знаете, что такое прервать утренний сон?

– Стелла, грешен, готов искупить свою вину. Но мне в самом деле очень нужно с вами встретиться.

– Это я уже поняла. Но... Я все время занята. Когда я попадаю домой, я в основном сплю. На работе... На работе тоже не совсем удобно.

– И все же, Стелла...

– Ну дела... Я вижу, вы не отстанете.

– Я ничего не могу поделать, Стелла, это моя работа. Речь идет о важных вещах.

– Ваша работа... – Помолчала. – Ну хорошо... Давайте встретимся. Против лома нет приема.

– Давайте.

– Когда вы можете? Сегодня, завтра, послезавтра?

– Когда угодно. Чем скорее, тем лучше.

– Ладно... Если вы можете прийти ко мне на работу сегодня вечером – пожалуйста.

– Смогу.

– Пожалуйста, приходите. Не знаю, получится ли уделить вам много времени. Но мы поговорим.

– А где вы работаете?

– В ресторане «Яр». Я певица. Знаете ресторан «Яр»?

– Конечно. Когда я мог бы подойти?

– Ну... Подождите, соображу, когда у меня кончается первое отделение... Кажется, в полвосьмого... Да, в полвосьмого... Приходите в «Яр» к семи. Пока сядете, я кончу петь. И поговорим.

– Хорошо. Сейчас позвоню туда и закажу два места.

– Перестаньте, какие места...

– А что?

– Дорогой Павел Молчанов, «Яр» сейчас забит, там все расписано на месяц вперед. Никто вам никаких мест не даст. Просто скажите, что вы к Стелле. Я предупрежу. В «Яре» у меня свой столик, он на двоих. Посидим поговорим – раз уж вы такой настойчивый. Устраивает?

– Конечно. Большое спасибо, Стелла.

– Ладно... Только опишите себя, чтобы я сказала метру, вообще ребятам, и они бы вас пустили.

– Что конкретно описать?

– Ну... Не знаю... Сколько вам лет, какой рост хотя бы. Как будете одеты.

– Мне тридцать четыре года, рост выше среднего, русый, стрижка короткая, глаза светлые. Я буду... скажем, в темно-синем костюме. Достаточно?

– Вполне. Хорошо, подходите к семи. Извините, я должна немного привести себя в порядок.

– Да, конечно, Стелла. Еще раз спасибо.

– Не стоит, до вечера.

Он услышал частые гудки. Положив трубку, вышел в приемную. Оля работала на компьютере, и он сел на диван. Она подняла глаза:

– Что?

– Помнишь, я тебе говорил о коробке от сигарет, которую я нашел на даче Шершневых?

– Помню. Кажется, там были какие-то цифры? Да? Номер телефона?

– Точно. Так вот, сейчас я по этому номеру позвонил.

– И что?

– Это телефон некоей Стеллы, певицы из ресторана «Яр».

– Интересно.

– Не знаю, интересно или нет, но я договорился сегодня вечером с ней встретиться.

– Встретиться – где? На улице? У нее дома? Или ты пригласил ее к нам?

– Мы договорились встретиться у нее на работе. В ресторане «Яр».

– О... Красиво жить не запретишь.

– Ревновать не будешь?

– Паша, ты что, за все время не успел меня узнать? Он взял ее за руку:

– Представь, нет.

– Ладно тебе... Во всяком случае, ты, наверное, смог понять: я не ревную. – Осторожно освободила руку. – То есть я ревную, как и все, но никто этого не видит и никто этого не знает. Если же... Если же, допустим, я пойму, что у тебя, кроме меня, есть другая, – я просто уйду. Весь разговор.

– Я тебя не пущу.

– Пустишь.

– Я шучу. Ты отлично знаешь, другой у меня не может быть.

– Не знаю. Жизнь покажет.

– Не покажет.

– Ладно. Конечно, иди в «Яр». Когда вы встречаетесь?

– Я приду туда в семь. Она там уже будет.

– Когда тебя ждать назад?

– Думаю, я там не задержусь.

– Как ее зовут, эту певицу? Белла?

– Стелла.

– Ну и имя. Ладно, иди. Может, что-то узнаешь.

О том, что он идет вечером в «Яр», он сообщил также Радичу и Костомарову. Радич его сообщение никак не прокомментировал, Костомаров же, вздохнув, сказал:

– Пашенька, ты хоть знаешь, какая группировка контролирует это гнездо разврата?

– Знаю. Солнцевская.

– Вот-вот. Помни об этом.

– Слушай, Костя, зайди сейчас к нашим компьютерщикам. Займись с ними проверкой банка «Яуза». Выясните общими силами, не отмываются ли там капиталы, нет ли признаков мошенничества, тайных счетов и так далее. Займись, это важно.

– Хорошо, займусь.

Когда он вернулся в свой кабинет, раздался звонок. Сняв трубку, узнал характерный, четко произносящий каждое слово, несколько резковатый голос:

– Павел Александрович, это Боровицкая. Я вас не отрываю от дел?

– Нет, Нина Николаевна. Что-то случилось?

– Ничего не случилось, просто я решила вам позвонить. Через час я выезжаю в Тарусу.

– Замечательно. Вы договорились со своей приятельницей?

– Да, договорилась, все в порядке, она меня встретит. Так что, если вам что-то понадобится, звоните мне туда. Или приезжайте. Ехать нужно с Курского вокзала, на электричке до Серпухова. Это часа два, а от Серпухова минут пятнадцать на автобусе или на такси. Буду рада вас видеть.

– Спасибо за звонок. Если мне что-то понадобится, я немедленно с вами свяжусь.

– Связывайтесь, я буду очень рада. И учтите, Павел Александрович, – я на вас надеюсь.

– Я уже сказал, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Глава 5

К гостинице «Яр» Молчанов подъехал без десяти семь. Поставил «вольво» на стоянке рядом с гостиницей, подошел к главному входу в ресторан.

На ведущих к входу ступеньках стояло несколько пар. К стеклу двери изнутри была прикреплена белая картонка с черной надписью «Мест нет». За стеклом виднелась массивная фигура швейцара в ливрее и фуражке.

Поднявшись по ступенькам, Молчанов постучал в стекло, но на его стук швейцар не прореагировал. Чуть подождав, он начал стучать сильнее и не переставая.

Швейцар не оборачивался, но стоящая у самой двери пара, мужчина в щегольской шляпе и женщина в вечернем платье, в конце концов недовольно покосились на него.

– Стучать бесполезно, – сказал мужчина. – Все места заняты. Мы ждем уже час.

Он продолжал стучать – пока швейцар, приоткрыв дверь, не сказал:

– Перестаньте стучать, или я вызову милицию.

– Вызывайте.

Удостоив наконец его взглядом, швейцар пояснил:

– Господин, стучать бесполезно. Все места заняты.

– Я к Стелле.

Выражение лица швейцара изменилось.

– К Стелле?

– Да.

Обернувшись, швейцар посмотрел на стоящего в глубине тамбура человека в черном костюме и белой рубашке без галстука, по виду типичного вышибалу. Сказал негромко:

– Сергей, тут человек к Стелле.

Тот, кого швейцар назвал Сергеем, подошел ближе. Внимательно осмотрел Молчанова, кивнул:

– Пропусти.

– Угу. – Швейцар отодвинулся, и Молчанов вошел в тамбур.

Швейцар и вышибала не обращали теперь на него никакого внимания, и он, толкнув вторую дверь, вошел в холл.

Здесь, если не считать двух швейцаров, дежуривших в глубине зала в гардеробе, никого не было. Сверху доносилась музыка, и Молчанов по лестнице поднялся туда.

У входа в зал на лестничной площадке стоял официант с салфеткой в одной руке и с зажженной сигаретой в другой. Одна из створок двери была полуоткрыта, так что можно было разобрать слова песни, которую исполняла певица. Пела она хорошо, голос был хриплым, низким, но одновременно сильным и сдержанным. Голос он узнал сразу, это был голос Стеллы.

Увидев Молчанова, официант торопливо затянулся и выбросил сигарету в урну. Опасливо покосился в его сторону. Молчанов кивнул:

– Все в порядке. Курить ведь хочется?

– А то... – Официант вздохнул. – Вы в зале сидите?

– Будем считать. Нравится, как поет Стелла?

– А то... Народ на нее ломится, не видите?

– Вижу. – Заглянул в просвет между створками. Эстрады и поющей на ней Стеллы видно не было, мешала колонна. Достав бумажник, вытащил несколько купюр, сунул в карман халдея: – На шоколадные конфеты.

– Спасибо. Что-то надо?

– Ничего не надо. Хотя... Ты ведь знаешь столик, за которым Стелла сидит в перерывах?

– Ну.

- Где он?
- Его отсюда не видно. Он у эстрады, с правой стороны. Кончат танцевать, я покажу.
- Не надо, спасибо. Как зовут вашего метра?
- Алексей Иванович.
- А тебя?
- Володя.
- Метр сейчас в зале?
- Был в зале.
- Музыка смолкла, раздались аплодисменты.
- Показать?
- Да, будь другом.

Они вошли в переполненный зал, где шумели голоса, раздавались смех и крики. Певица, высокая и гибкая, в черном блестящем платье в обтяжку, стояла за оркестром, бесстрастно разглядывая зал. Он узнал ее – это была женщина, стоявшая в субботу вечером рядом с совладельцем «Золотого амулета» Бобом Трентом.

Володя показал:

- Вон метр, у ближнего столика. Худощавый, в смокинге. Видите?
- Вижу. Все, спасибо.

Подошел к мэтру:

- Алексей Иванович?

Метрдотель обернулся. У него были короткие пшеничные усики и очки в тонкой оправе. Изучив Молчанова, кивнул:

- Слушаю вас.
- Вас обо мне должна была предупредить Стелла. Я ее гость.
- Да, она предупредила. Идемте, я вас проведу.
- Подойдя к столику у самой эстрады, тронул стул:
- Прошу.

Молчанов сел лицом к эстраде. На столике, если не считать двух приборов и двух крахмальных салфеток, поставленных пирамидками, ничего не было. Повернувшись, поискал глазами Володю; увидев его поднятую руку, официант тут же подошел:

- Слушаю. Что-то хотите?
- Нужен букет роз. Свежий и большой. И ваза с водой. Поставишь все на стол.
- Будет сделано. Что-то еще?
- Пока нет. Но поглядывай иногда сюда. Возможно, я закажу шампанское.
- Понял.

Официант исчез. Он же, повернувшись к эстраде, стал рассматривать Стеллу – она стояла к нему в профиль, в той же позе, чуть расслабленной и бесстрастной. Да, эта шатенка с зелеными глазами, тонким носом и чувственными губами была в самом деле очень красива. Причем дело было не в одной физической красоте. В каждом ее движении чувствовалась внутренняя сила, она ощущалась в ней не только когда она пела, но и когда просто стояла, расслабившись.

Заиграл оркестр, Стелла подошла к микрофону. После того как оркестр проиграл вступление и на площадку стали выходить пары, начала петь.

Она пела хорошо и при этом хорошо двигалась. Ее гибкое тело, не делая ни одного лишнего движения, изгибалось в такт мелодии. Молчанов поймал себя на том, что ее исполнение его завораживает.

Пока она пела, подошедший Володя поставил на столик вазу с розами. Оркестр смолк, все захлопали. Он тоже начал было хлопать, но тут к столику спустилась Стелла.

Села за столик, улыбнулась ему. Встряхнула головой:

- Какие розы... – Пригнувшись, понюхала. – Спасибо.
- Это вам спасибо. Вы замечательно поете.
- Ну уж... – Откинулась на стуле. – Я правильно поняла – вы Павел Молчанов?
- Да, я Павел Молчанов. Извините, был под воздействием вашей песни и забыл представиться.
- Да ладно... – Помедлив, протянула руку, которую он поцеловал. Не сразу убрав руку, улыбнулась, причем по-настоящему, дружески: – Стелла. Хотите есть?
- Нет. А вы?
- Не знаю даже. Может, съем что-то легкое.
- Я заказал шампанское, но не знаю, можно ли вам пить во время работы.
- Почему нет? Шампанское к тому же можно пить всегда. Кто у вас принимал заказ?
- Официант Володя.
- Когда он подойдет, попросите принести брют, и обязательно французский. Все остальное шампанское здесь гадость.
- Хорошо. А что поесть?
- Он знает. Когда я решаюсь поесть, я ем только суфле из крабов. Здесь его делают неплохо. Ну и фрукты. Для шампанского.
- Хорошо.
- Подозвав знаком Володю, он сделал заказ. Шампанское появилось на столе почти тут же. Когда Володя разлил вино и ушел, Стелла подняла бокал. Улыбнулась вопросительно:
- За знакомство?
- Давайте.
- Чокнувшись со Стеллой, пригубил бокал. Стелла сделала то же. Поставив бокал на стол, сказала:
- Не думала, что сыщики такие.
- Какие?
- Такие, как вы.
- А какой я?
- Ну... такой. Мне кажется, вы больше похожи на киногероя.
- Да ладно вам. В краску вгоните. Вообще сыщики бывают разные.
- И давно вы в сыщиках?
- Года два.
- Ладно, не буду вас мучить. Давайте о деле. О вашей государственной тайне.
- Да нет никакой государственной тайны. Скажите, Стелла, вы знали Юлию Шершневу?
- Юлию Шершневу? – Помолчала. – Фамилия знакомая, где-то я ее слышала. Подождите... – Прикусила губу. – Нет, не помню. Слышала фамилию, но где – не помню. А почему о ней вы спрашиваете у меня?
- Потому что Юлия Шершнева записала ваш номер телефона на коробке от сигарет «Кул».
- Юлия Шершнева записала мой номер телефона на коробке от сигарет... – Плавнo развела руками. – Павел, не мучьте меня...
- Я вас не мучаю.
- Нет, вы меня мучаете. Коробка сигарет «Кул»... Почему бы вам не спросить это у самой Юлии Шершневой?
- Не могу. Она мертва.
- Мертва? О... – Тронула бокал. – И вы расследуете обстоятельства ее смерти?
- В общем.
- Извините. Ладно, постараюсь вспомнить, где я могла слышать эту фамилию. – Несколько секунд она сидела, глядя в пространство. – Нет, ничего не приходит в голову. Еже-

дневно встречаешь столько людей, голова идет кругом... Подождите... – Помолчала. – Скажите, эта Юлия Шершнева – она, случайно, не работала в банке?

– Нет. Но в банке работает ее муж.

– Ага. Подождите... Его зовут не Олег Владимирович?

– Олег Владимирович. Фамилия – Шершнев.

– Точно. Олег Владимирович Шершнев. Он ведь работает в банке «Яуза»?

– В банке «Яуза».

– Как будто что-то проясняется. Только я все равно не понимаю, как мой телефон мог оказаться на коробке от сигарет, принадлежащей Юлии Шершневой. Я ведь ее никогда в глаза не видела. Клянусь.

– Но ее мужа видели?

– Если это можно так назвать. Несколько дней назад я была в банке «Яуза», чтобы открыть счет. А до этого целую неделю туда звонила, чтобы меня принял, извините, какой-то заместитель старшего бухгалтера. Заместителем был этот самый Олег Владимирович Шершнев.

– Он вас принял?

– Да, в конце концов принял. Я удивилась, этот Шершнев оказался довольно молодым человеком, на вид ему тридцать с небольшим. Он поговорил со мной, проверил, какие документы я принесла, и открыл мне счет. И все. Больше я его не видела.

– Вы можете вспомнить точно, когда это было?

– Точно? Подождите... Я была у него в начале той недели. Сегодня у нас что, понедельник?

– Понедельник.

– В банке «Яуза» я была ровно неделю назад. В прошлый понедельник.

Он подумал: по словам Юлии, ее муж исчез во вторник.

– И больше вы Шершнева не видели?

– Нет. А зачем? Счет мне открыли, карточка у меня, и до свидания. Извините, Павел, но я ненавижу всякую бумажную волокиту. Банки, бухгалтеров, кредит-дебит, всю эту муру, которой мне хватает во время гастролей.

– Часто ездите на гастроли?

– Достаточно часто. Надо же как-то зарабатывать деньги.

Заиграл оркестр. Обернувшись, Стелла сделала знак посмотревшему на нее саксофонисту. Тот, продолжая играть, кивнул. Она тронула бокал, улыбнулась устало:

– Пропущу второе отделение. Я не лошадь. Ради бога, простите, Павел. Но я в самом деле устала.

– Ничего. Вообще, вы любите свою работу?

– Вообще свою работу я люблю. Но только не в ресторане.

– Почему?

– Почему? Павел, вот вы представьте: вы поете песню. Она вам нравится. Вы поете ее один раз, потом второй, потом двадцатый, потом сотый, потом двухсотый. Причем делаете это из вечера в вечер. Одну и ту же песню. Так ведь можно сойти с ума. Вам не кажется?

– Может, вы правы. Я об этом как-то не подумал.

– А вы подумайте. – Вздохнула. – Вы умеете танцевать?

– Умею.

– Так пригласите меня.

– С удовольствием. – Встал. – Я вас приглашаю.

Они пошли танцевать. Танцевать с ней было легко, у нее было замечательное чувство партнера, она подчинялась малейшему его движению.

Когда танец закончился и они сели, он сказал:

– Стелла, давайте все же попробуем выяснить, почему ваш телефон оказался на коробке от сигарет, которые курила Юлия Шершнева.

– Ой, Павел, понятия не имею... – Подняла бокал. – Выпьем?

– Давайте. – Поднял свой. – За что?

– Просто так. За все хорошее. Только до конца?

– Давайте до конца.

Выпив до конца вместе с ним, поставила бокал.

– Извините, я не люблю все эти бабские домыслы. Но насчет телефона на коробке... Этот Олег Владимирович, прежде чем открыть мне счет, пару раз звонил мне домой. Исключительно по делу. Так, может, его жена меня приревновала? И записала мой телефон на коробке – чтобы потом проверить?

– Возможно.

– О господи... – Сделала глоток. – Глупо. Очень даже глупо. Было бы кого ревновать. Вы видели этого Олега Владимировича?

– Только на фотокарточке.

– Это же мышь. Серая мышь. Ни рожи ни кожи. Мне кажется, он не может заинтересовать никого. Меня уж точно. И ревновать его ко мне было глупо.

– Но Юлия, получается, его к вам ревновала.

– Получается. Что ж, ревность не разбирает, к кому можно ревновать, а к кому нет.

– Наверное... – сказал он и вдруг понял: перед глазами все расплывается. Расплывался столик, салфетки, бутылка шампанского, лицо Стеллы. Столик стал уходить от него, качаясь, как во время шторма, – так, что он вынужден был схватиться за края. Что же с ним происходит?... Он засыпает... И тонет... В самом настоящем смысле слова тонет...

Он попытался удержаться во время этого шторма, не потонуть... Вырваться из ватных объятий сна, что-то сделать – но глаза закрывались сами собой.

Последнее, что он ощутил, была рука Стеллы. Эта рука, вцепившись в его плечо, трясла его. Рука не щадила его, она крутила его, выворачивала не переставая.

Он пытался сказать Стелле хоть что-то, но не смог. Все вокруг закрыла бесцветная пелена.

В зале танцевали, гремела музыка. Официант Володя, подойдя к стоящему к нему спиной и наблюдающему за залом метрдотелю, кашлянул:

– Алексей Иванович...

Обернувшись, мэтр посмотрел в направлении его взгляда.

Человек, приглашенный Стеллой, высокий мужчина в хорошо сшитом костюме, лежал в отключке, навалившись лицом на стол. Рядом, беспомощно оглядываясь, стояла Стелла.

Пока метрдотель приближался к столику, двое мужчин, находившихся неподалеку, встали со своих мест. Один из поднявшихся, постарше, с длинными волосами, собранными сзади в хвост, был одет в костюм от Армани цвета кофе с молоком. Второй, помоложе, коротко стриженный, с накачанной шеей, был обладателем пиджака из тончайшей черной лайки и серых фланелевых брюк. За столом с ними сидели две юные красотки в вечерних платьях.

Старший, вопросительно глядя на Стеллу, спросил:

– Что, опять?

Его более молодой приятель, сочувственно осмотрев распластавшегося на столе Молчанова, вздохнул:

– Эх, Паша, Паша...

Подойдя к столику, метрдотель посмотрел на старшего:

– Ваш?

– Да. Приятель, с периферии. Редко бывает в обществе.

Метр перевел взгляд на Стеллу:

– Много выпил?

Стелла поморщилась:

– Я не следила.

– Алексей Иванович, он брал розы, – сказал Володя. – И шампанское. Посмотрите, есть при нем деньги?

– Володя... – Мужчина постарше достал бумажник, отсчитал деньги. – Отвали. Бери и не мешай. Мы его сейчас заберем.

Взяв деньги, официант отошел. Метрдотель кивнул:

– Забирайте его, только чтобы все тихо.

– Само собой... – Чуть приподняв отключенного, старший покачал головой. – Стелла, извини... Мне очень неудобно...

– А-а... – Стелла махнула рукой. – Вечер испорчен. Алексей Иванович, я ухожу. Можете делать со мной что хотите.

– Уходишь? Сейчас?

– Да.

– Стелла... – Метрдотель молитвенно сложил руки. – Не губи! Публика меня убьет!

– Пусть убивает! Настроения у меня нет. А если настроения нет, петь я все равно не смогу.

Тронув очки, метрдотель сказал покорно:

– Ладно. А... завтра?

– Еще не знаю... Общий привет всем... – Повернувшись, Стелла скрылась в проходе, ведущем на кухню.

Двое, взяв бесчувственного Молчанова под мышки, приподняли его. Пригнувшись, ловко закинули его руки себе на шею. Затем, выпрямившись, осторожно повели его в сторону служебного выхода.

На двух элегантно одетых мужчин, уводящих из зала бесчувственного товарища, никто не обращал внимания. Здесь это было обычным явлением.

Девушки, весь вечер просидевшие с мужчинами за одним столиком, переглянувшись, остались на своих местах.

Стелла, как была, в длинном концертном платье, прошла через кухню. По лестнице спустилась к служебному выходу. Выйдя на улицу, пошла, не оглядываясь, к стоянке.

Освещенная фонарями стоянка у гостиницы была пустынна. Лишь поодаль, за бульваром, по Ленинградскому проспекту несясь поток машин.

Подойдя к своему «плимуту», Стелла достала из-за пояса платья коробочку ремоут-контроля с ключами. Открыла дверцу. Села за руль, включила мотор, зажгла фары. Оглянувшись, вывела машину со стоянки и свернула в соседнюю улочку. Здесь она сделала еще один поворот. Затем выехала на третью улочку, такую же безлюдную, как две первые. Затормозив у тротуара, выключила огни.

Ждала она недолго. Через несколько минут рядом с ней, мягко скрипнув тормозами, остановился черный «мерседес». Водитель «мерседеса», пригнувшись, услужливо открыл переднюю дверцу. Покосившись в его сторону, Стелла, не говоря ни слова, вышла, заперла свою машину и села рядом с водителем.

Мужчина с пучком волос на затылке и в костюме от Армани, тот самый, с которым она только что рассталась в ресторане, положил руку на переключатель скорости. Посмотрел в зеркало.

Обернувшись, Стелла увидела второго мужчину, молодого, одетого в пиджак из лайки и серые брюки, и рядом с ним Молчанова. Голова Молчанова была закинута, он не двигался.

– Поехали? – спросил старший.

– Да, нам ждать нечего.

«Мерседес», мягко взяв с места, свернул на пустую улицу Правды. Затем водитель вывел машину на Ленинградский проспект. Конечным пунктом «мерседеса» оказалось Волоколамское шоссе.

Здесь машина въехала во двор многоэтажного дома. Сделав несколько виртуозных поворотов между газонами, человек с хвостом на затылке остановил «мерседес» у подъезда. Выключил сначала фары, а потом мотор, внимательно огляделся. Двор был пуст.

Обернулся:

– Колер... сможешь один?

– Попробую... – Открыв дверцу со своей стороны, Колер осторожно выставил на землю ногу. Затем, обняв Молчанова за пояс одной рукой, вынес его из машины. Перехватил руку, попытался поставить тело на ноги – и не смог. Пригнувшись, сказал: – Сардор, помоги.

– Сейчас. Стелла, можешь выходить.

– Я уже поняла.

Выйдя из машины, Стелла вошла в подъезд. Остановилась у пульта с кнопками, раздраженно вздохнула.

Через минуту, когда двое ввели в подъезд Молчанова, сказала:

– Что набирать?

– Сейчас. Тяжелый, черт... – Сардор нажал несколько кнопок. Открыл щелкнувшую дверь. – Проходи. Нам шестой этаж.

Подойдя к лифту, Стелла нажала кнопку; после того как дверцы лифта открылись и все вошли, тронула на пульте квадратик с цифрой 6. Лифт пошел вверх.

После остановки кабины Сардор сразу выходить не стал. Когда двери открылись, он, придерживая одну из створок рукой, посмотрел сначала вверх, потом вниз. Лишь убедившись, что лестничные пролеты пусты, протянул Стелле ключ:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.